

Ф. Кориц.

ВВЕДЕНИЕ ВЪ НАУКУ

о

СЛАВЯНСКОМЪ СТИХОСЛОЖЕНИИ.

Отдѣльный оттискъ изъ «Сборника по славяновѣданію». II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.
Бас. Остр., 9 линії, № 12.

1907.

Θ. Κοριτσ.

IX

ВВЕДЕНИЕ ВЪ НАУКУ

о

СЛАВЯНСКОМЪ СТИХОСЛОЖЕНИИ.

Одѣльный оттискъ изъ «Сборника по славяновѣданію». II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 липіл, № 12.

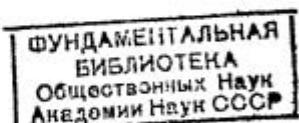
1907.

*Чистъ
харбъ*

РУ
|
Слав

Напечатано по распоряжению Императорской Академии Наукъ.
Январь 1907. Непременный Секретарь, Академикъ С. Олденбургъ.

464
62

Введеніе въ науку о славянскомъ стихосложеніи.

Wczorajsa, wcale nowa Słowiańska nauka,
Lecz Bóg zasiał ja w ziarnach szeroko przed wieki.

Józef B. Zaleski, Pułki.

Въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ, въ «Шлейхеровскую» пору языкоизнанія, когда «индо-европейскій языкъ» представлялся умамъ ученыхъ величиною дѣйствительно въ такой степени, что, по крайней мѣрѣ, самъ Шлейхеръ пытался даже сочинять на немъ басни, также будто бы «индо-европейскія», нѣкоторые языковѣды помышляли и объ «индо-европейскомъ» стихосложеніи, къ которому стихосложение отдельныхъ языковъ индо-европейской семьи должно относиться такъ-же, какъ сами эти языки относятся къ общему индо-европейскому языку. Мысль о первоначальномъ единстве индо-европейскихъ языковъ между прочимъ и въ стихосложеніи принадлежитъ извѣстному знатоку греческаго стихосложения и языковѣду-любителю Рудольфу Вестфалю, человѣку необыкновенно способному и даровитому, но чрезмѣрно быстрому и смѣлому на выводы и обобщенія. Онъ еще въ 50-ыхъ годахъ, изучая Зандавесту по изданию Вестергорда (Westergaard), наткнулся по мѣстамъ на размѣренную рѣчь и скоро убѣдился въ наличности строкъ изъ одинакового числа словъ, въ которыхъ однако онъ не могъ отыскать никакого признака ритма. Отсюда онъ вывелъ, что древніе Иранцы строили свои стихи только на основаніи счета словъ, и что таково было нѣкогда индо-европейское стихосложение вообще. Уже и первое изъ этихъ заключеній было поспѣшно, такъ какъ 1) онъ изслѣдовалъ въ Авестѣ не всѣ мѣста, содержащія въ себѣ стихи, 2) при разысканіи основы авестійского стихосложения онъ безсознательно руководился тѣми понятіями о стихѣ, какія онъ составилъ себѣ по количественнымъ (квантиративнымъ) стихамъ греческимъ и по качественнымъ (тоническимъ) нѣмецкимъ, 3) слововое (силлабическое) стихосложение онъ понималъ съ одной стороны слишкомъ отвлеченно, не приписывая въ немъ ударенію ровно никакого значенія, съ другой — слишкомъ узко, соединя его, опять-таки безсознательно, съ такимъ звуковымъ строемъ, при которомъ стихи стопные возможны лишь на качественной основе, какъ

напр. во французскомъ языке, пригодномъ не только для чисто слоговыхъ стиховъ, подобныхъ слѣдующему (Boileau, Art Po tique, chant III):

Mais en vain le public, prompt à le mépriser,

но и для качественно-стопныхъ, каковъ идущій за выше приведеннымъ:

De son mérite faux le veut désabuser,

или въ польскомъ, гдѣ на ряду со слоговымъ стихомъ въ родѣ:

Östrzegam tylko wcze nie, niech brat Tadeusza

возможенъ построенный въ правильныхъ стопахъ по удареніямъ:

Nie namawia, kocha  si  w Zosie nie przymusza
(Mickiewicz, Pan Tadeusz III),

тогда какъ слоговые стихи бываютъ и на количественной основе, напр. въ ведийскихъ размѣрахъ и въ шлокѣ, да и въ Авестѣ нерѣдки стихи въ родѣ:

âd m  a(j)em pa ti aoxta Haom  a a a, d rao  :
azem ahmi, Zaratu tra, Haom , a a a, d rao  :

съ некратными (ирраціональными) аванестами и спондеями, какъ у Индѣйцевъ (см. мой «Опытъ ритмического объясненія древне-индѣйского эпико-дидактического размѣра *çlokas*» во II томѣ «Трудовъ Восточной комиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества»). Если такъ, что-же сказать о поспѣшности перенесенія приписанного Иранцамъ слогового стихосложенія въ индо-европейской праязыку? Послѣ этого неудивительно, что и стихи русскихъ народныхъ пѣсень Бестфаль свелъ на простой счетъ слоговъ, прославляя при томъ Русскихъ за сохраненіе древнѣйшаго стихотворнаго склада (Русскій Вѣстникъ, 1879 г.). И въ самомъ дѣлѣ некоторые изъ немногихъ русскихъ пѣсень, ему извѣстныхъ, при сравненіи ихъ словъ съ напѣвами оказываются слоговыми, какъ и многіе стихи въ Авестѣ; но и тамъ и здѣсь такой складъ представляеть собою позднѣйшее явленіе. Слоговое стихосложение вообще возникаетъ на развалинахъ какого-нибудь иного, но всегда стопнаго или, пожалуй, тактоваго, въ которомъ сильныя и слабыя единицы слѣдуютъ другъ за другомъ въ опредѣленномъ порядкѣ, хотя-бы число слоговъ, составляющихъ стопу, не было постоянно

и одинаково во всей пѣснѣ, слабыя единицы кое-гдѣ даже совсѣмъ отсутствовали и взаимное равенство стопъ устанавливалось посредствомъ перedyshchekъ (паузъ) или растяженія сильныхъ единицъ свыше ихъ обычной длительности, что возможно только при пѣніи. Но вѣдь народная поэзія и не знаетъ стиховъ помимо пѣнія, почему и не нуждается въ словесномъ выраженіи всѣхъ ритмическихъ единицъ.

Такое стихосложеніе во всей его дикой неправильности мы находимъ у Нѣмцевъ даже въ письменности до Отфрида Вейссенбургскаго (IX в.) или, точнѣе, до того времени, когда его стихотворная сводка Евангелій распространялась и ея складъ, воспринимаемый слухомъ и безъ помощи пѣнія, укоренился, по крайней мѣрѣ, между пишущими стихотворцами. Однако и въ этихъ новыхъ стихахъ, не смотря на то, что въ основаніи ихъ лежало подражаніе осьмисложнымъ стихамъ ямбического склада, употребительнымъ въ латинскихъ церковныхъ пѣснопѣніяхъ, какъ «*Veni creator Spiritus*» Амвросія Медіоланскаго, слабыя части стопъ нерѣдко выпускались и потому были возможны не только такие стихи, какъ

Thū mohtis, quad siu, einan guam
Joh ein gifuari mir giduan,

но и

Einan kuninc weiz ih,
Hezit hér Hludwic¹⁾,

т. е. число слоговъ колебалось между осмью и пятью — колебаніе ничтожное сравнительно съ тѣмъ, что мы видимъ напр. въ Muspilli, но все-таки отсюда еще далеко до слогового равенства стиховъ, къ какому привыкли не только Французы и Поляки, но и мы, Русские, хотя, когда слагаемъ свои стихи, обращаемъ вниманіе не на число слоговъ, а на ихъ относительную силу. Отфридово стихосложеніе, какъ возникло, такъ и утвердилось у верхнихъ Нѣмцевъ и перешло цѣликомъ изъ древне-верхне-нѣмецкаго языка въ средне-верхне-нѣмецкій, въ которомъ однако оно стало самобытнѣе и разнообразнѣе вслѣдствіе допущенія не только другихъ размѣровъ, но и двухъ короткихъ слоговъ на мѣстѣ сильного времени стопы даже безъ

1) Знакомъ долготы обозначены въ нѣмецкихъ стихахъ здѣсь и ниже слоги долгіе по природѣ или по положенію внутри слова (чѣмъ обусловливается возможность второстепенного ударенія на слѣдующемъ слогѣ того-же слова) и также всѣ закрытые подъ удареніемъ. Знакомъ = въ скобкахъ изображены передышки, иногда едва слышныя, на мѣстѣ ритмическихъ единицъ, не заполненныхъ рѣчью, знакомъ — — растяженіе долгой гласной или короткой съ послѣдующею длительной согласной свыше обычной мѣры.

пропуска слабой (что Лахманъ пытался устранить, по крайней мѣрѣ, въ выговорѣ исключениемъ одной изъ гласныхъ), откуда напр. въ *Der Nibelunge Nöt*:

Gunther und Hagine,
Lobeten mit untriuwen.

die reken vil balt,
ein pirsen in den walt,

гдѣ въ первомъ стихѣ десять слоговъ, во второмъ — тринадцать; но такъ какъ въ средне-верхне-нѣмецкомъ стихосложеніи былъ разрѣшены двусложный безударный приступъ (анакруза), какъ напр. въ томъ-же *Der Nibelunge Nöt*:

Nu wer was, der tñfem schildē *vor dem* *Wasgensteine saz?*

длина того-же стиха могла доходить до пятнадцати—шестнадцати слоговъ. Нижніе Нѣмцы, усвоивъ себѣ стопное стихосложеніе, никогда не отказывались отъ выраженія слабой части стопы двумя слогами, и вотъ, путемъ все возраставшаго общенія между двумя вѣтвями нѣмецкаго племени, приблизительно въ XIV в. образовалось общѣ-нѣмецкое стихосложение, ставшее вскорѣ общѣ-германскимъ,— стихосложение стопное, но какое?²⁾

Wer wagt es, Rittersmann oder Knapp,
Zu tauchen in diesen Schlund?
Einen goldnen Becher werf' ich hinab;
Verschlungen schon hat ihn der schwarze Mund

(Schiller)

или:

Farewell, ye odours of earth, that die,
Passing away like a lover's sigh;

2) Во всѣхъ примѣрахъ изъ языковъ со стихосложеніемъ качественнымъ, т. е. основаннымъ на разговорномъ удареніи и принимающимъ въ расчетъ долготу (въ языкахъ, сѣ же утратившихъ) лишь какъ замѣну разговорного ударенія въ сильной части стопы, знаки долготы и краткости разставлены здѣсь не по дѣйствительной длительности слоговъ въ обычной рѣчи, а сообразно съ тою продолжительностью каждого слога, какая слышится при строго размѣрномъ чтеніи или, еще болѣе, въ напѣвѣ, точно соответствующемъ строю стиха. То-же относится — *mutatis mutandis* — къ слоговымъ примѣрамъ французскимъ и польскимъ.

My feast is now of the tooba tree,
Whose scent is a breath of eternity

(Thomas Moor)

или, нѣсколько иначе:

Ved Syriens mørkeblaas Middelhavs-Strand,
Hvar Pinjeskover ender i Bejrûts gule Sand,
Hvor Franker og Tyrk deres Lystridt ride,
Der holde to Ryttere Side om Side

(Christian Richardt)³

и еще смѣлѣе, совсѣмъ по-старинному:

Han stirrer og han stirrer;
Kun Luft og kun Vand!
«Pinta» forude, —
Men ak — ikke Land!

(онъ-же).

У Нѣмцевъ переняли пѣсенный складъ Лужичане⁴), напр.:

Tsi molje kerchow wón wobrajtowa,
Na jeje rówčku wón pozasta.
«Stawaj ty horje, holečo!
Daj mi te moje zawsanki zas'»

3) Тотъ-же размѣръ въ шведской народной пѣснѣ:

Dina svartrbruna sköna ögon, din rosenröda mun
Hava lagt uppå mitt hjerta en bôrda så tung.
Halsbandet uppå halsen det glimmar som rödan guld,
Derföra vill jag vara lilla vannen så huld.

4) Отчасти и самыя пѣсни; ср. напр. пѣсню Ja stejach horkach na gorî съ нѣмецкою Ich stand auf hohem Berge и въ особенности съ датскою Jeg gik mig op raad høie Bierg, которая впрочемъ сама, вѣроятно, заимствована у Нѣмцевъ, только съ извода, болѣе близкаго къ лужицкому. Ср. также Štrekelj, Slovenske narodne pesmi 1285—1293.

и даже съ сильнейшими стяженіями:

Bez n̄imaj sedžela holička,
Rjana, bjeļa, čerwena,⁵⁾

но и съ болѣе смѣлыми разложеніями:

Štyrjo jej hercy piskachu,
Hólcy pak z karanami zej'rawachu.
Wy, štyrjo hercy, nepiskajće,
Hólcy pak z karanami nezej'rawajće

или

Hólcy pak z karanami zej'rawachu.
Hólcy pak z karanami nezej'rawajće.

Отъ Нѣмцевъ-же вольные стихи у Словѣнцевъ, напр.

Zvēđel sem nēkaj nōvega
Öd svójga dekléta zaljúbljenga:
Ona si zbirá drúzega
In zâme nē mára níč věč (у Штрекля 2173—2178 по пяти изводамъ).

И такъ въ лужицкихъ стихахъ одного и того-же размѣра, состоящаго въ совершеню правильномъ видѣ изъ десяти слоговъ, мы находимъ разницу въ пять слоговъ — отъ двѣнадцати до семи. Впрочемъ почти такова-же она и во второмъ скандинавскомъ (датскомъ) примѣрѣ — отъ семи до пяти. Какъ бы то ни было, германское стихосложеніе, отчасти перешедшее и къ Славянамъ, сохранило въ значительной мѣрѣ свой древній

5) Приблизительно такъ въ пѣснѣ «Wosredža wulkeho Wóseka», но въ сходной съ нею по началу «Wóše mi horleho Wujezda» два стиха, соответствующіе приведеннымъ здѣсь, поются народомъ такъ (L. Haupt i L. Smoleř I, VIII):

Ha, pod lipu sydala holička
Rjana, bjeļa, čerwena —

одинъ изъ примѣровъ того, какъ различна можетъ быть ритмика стиха съ одной стороны — въ чтеніи и съ другой — въ напѣвѣ.

строй, не имѣющій ничего общаго со счетомъ слоговъ. О самобытныхъ остаткахъ того-же строя у Славянъ рѣчь впереди. Есть они и въ языкахъ количественныхъ, каковъ греческій. Такъ называемый пентаметръ слыть у позднѣйшихъ Грековъ изобрѣтеніемъ Мимнерма (VI в. до Р. Х.), о чмъ древнѣйшее свидѣтельство принадлежитъ Гермесіанакту (IV в. до Р. Х.):

Μίμνερμος δέ, τὸν ἥδυν δς εἵρετο πολλὸν ἀνατλάς
ἥχον καὶ μαλακοῦ πνεῦμ' ἀπὸ πενταμέτρου.

Здѣсь-же мы встрѣчаемъ впервые и название «пентаметръ», а на столѣтіе раньше Критій выражается еще такъ:

Οὐ γάρ πως ἦν τοῦνοι ἐφαρμόζειν ἐλεγείφ,

откуда позже, когда ἐλέγειος, прилагательное отъ древняго существительнаго ἐλέγος, употреблялось уже только въ видѣ существительнаго ἐλέγεια, образовано другое название того-же размѣра — ἐλεγειαхбс. Какъ известно, онъ является во всѣхъ древнѣйшихъ памятникахъ только въ соединеніи съ гексаметромъ, и оба эти стиха вмѣстѣ назывались нѣкогда просто ἔπη, т. е. такъ-же, какъ и одни гексаметры. И въ самомъ дѣлѣ — элегическій стихъ есть по своему строю, ужь конечно, не «пентаметръ», не пятистопный стихъ, а тотъ-же гексаметръ, стихъ изъ шести дактилей, только съ передышками, равными слабой части дактиля, или растяженіями сильной части до длительности цѣлой стопы. Въ двустишии, каково напр. Тиртеево

Τεθνάμεναι γάρ καλὸν ἐνὶ προμάχοισι πεσόντα
 ἀνδρός ἀγαθὸν περὶ ή πατρῖδι μαρνάμενον,

второй стихъ, очевидно, равенъ первому и представляетъ собою лишь его видоизмѣненіе. Однообразное сочетаніе обоихъ видовъ того-же стиха, т. е. дактилическаго шестистопнаго, поочередно то полнаго (или почти полнаго, какъ въ приведенномъ примѣрѣ), то съ передышками или растяженіями въ сердинѣ и въ концѣ, есть уже дѣло сознательнаго искусства, а въ народномъ пѣснопѣніи эти два вида употреблялись, по всей вѣроятности, безразлично, какъ величины вполнѣ равныя, и даже, можетъ быть, различно видоизмѣнялись, хоть-бы напр. такъ:

—_—_—_—_—_—_—_—

или такъ:

—_—_—_—_—_—_—

Мало того: мыслимо и

—_—_—_—_—_—_—

и т. п., которыхъ могутъ, пожалуй, встрѣтиться отчасти въ безграмотныхъ надгробныхъ надписяхъ, но скорѣе въ видѣ случайныхъ искаженій, чѣмъ остатковъ сѣдой старины, какими ихъ считалъ Узенеръ (*Altgriechischer Versbau*. Bonn 1887). Что въ письменности изо всѣхъ этихъ видовъ удержалось только два, тому причины 1) ихъ ритмическая ясность, 2) ихъ безусловная противоположность, а что утвердилось сочетаніе полнаго стиха впереди съ урѣзаннымъ послѣ него, а не наоборотъ, какъ хотѣлъ въ V в. до Р. Х. Діонисій «Мѣдный» (*Халкес*), это зависѣло отъ соображенія музыкальнаго, выраженаго Шиллеромъ въ извѣстной эпиграммѣ:

Im Hexameter steigt des Springquells flussige Säule,
Im Pentameter drauf fällt sie melodisch herab,

а именно: полное завершеніе (каденція) легче дается на сильномъ или хоть полусильномъ звуки, чѣмъ на слабомъ, который годится скорѣе для половиннаго завершенія. Потому-же напр. у Анакреонта въ трохеяхъ:

Πῶλε Θρηκίη, τὶ δῆ με νηλεῶς φεύγεις, δοκεῖς δὲ μ,	λοξὸν ὅμιμασιν βλέπουσα οὐδὲν εἰδέναι σοφόν
---	--

и въ подражаніи Пушкина:

Κόβылица молодая, Честь кавказскаго тавра,	
---	--

а не наоборотъ. Слѣдѣ первоначальной свободы въ составленіи стопъ можно подозрѣвать между прочимъ и въ Анакреонтовыхъ логаздахъ (съ дактилями, равными трохею):

Πολλὰ μὲν ἐν δοιρὶ τιθεῖς πολλὰ δὲ νῶτον σκιτίνη πῶγωνά τ' ἔκτειλμένος,	αὐχένα, πολλὰ δὲν τροχῷ, μάστιγι θωμιχθεῖς, κόμην
---	--

какъ и вообще въ такъ называемыхъ хорамбахъ, т. е. стихахъ изъ ускоренныхъ дактилей съ усѣченными или стянутыми трохеями, хотя въ такихъ стихахъ почти вездѣ соблюдается одинаковое число слоговъ, чтѣ естественно при стихосложеніи строго стопномъ. Уклоненіе отъ начала равносложности особенно удивительно въ древне-индѣйскихъ количественно-слоговыхъ шлокахъ, напр. во второмъ стихѣ 10-аго двустишия 6-ой книги законовъ Ману:

ḫkṣeṣtyagrāyaṇam̄ caiva cāturmasyāni cāharet
 uttarāyaṇam̄ ca kramaço dākṣasyāyanam̄ ēva ca.

Такой удлинненный на одинъ слогъ приступъ вообще рѣдокъ и встречается по большей части въ шлокахъ не особенно древнихъ, но едва-ли можно видѣть въ этой неправильности одно изъ позднихъ явлений, знаменующихъ собою разложение этого стариннаго размѣра, такъ какъ именно число словъ есть такой виѣшнай признакъ, который легче всего соблюсти даже послѣ того, какъ первоначальная основа размѣра уже утратила свою жизненность, сдѣлавшись недоступна непосредственному воспріятію слухомъ вслѣдствіе измѣненій въ звуковомъ строѣ языка. Естественнѣе, кажется, предположить, что это нарушеніе законнаго числа словъ есть черта древняя, но сохранившаяся только въ стихахъ необразованныхъ или полуобразованныхъ людей и забравшаяся въ письменность одновременно съ другими заносами изъ низшихъ общественныхъ слоевъ, долго остававшихся въ сторонѣ отъ умственного движения, а впослѣдствіи, по мѣрѣ вымирания санскрита, повлѣвшихъ и на письменный языкъ и на его стихосложеніе.

Примѣровъ, доказывающихъ древность стихосложения, основаннаго на смѣнѣ сильныхъ и слабыхъ словъ у разныхъ народовъ, можно было бы привести много, по главнымъ доказательствомъ останется все-таки соображеніе, опирающееся не на сборъ данныхъ изъ словеснаго творчества отдельныхъ племенныхъ единицъ, который никогда не можетъ быть полонъ, а на самое существо дѣла: такъ какъ стихотворный складъ рѣчи возникъ несомнѣнно въ тѣснѣйшей связи съ напѣвомъ и съ пляской, а напѣвъ и пляска немыслимы безъ ритма, т. е. правильнаго чередованія сильныхъ и слабыхъ звуковъ голоса и ударовъ ноги, въ соответствующей имъ рѣчи долженъ быть осуществленъ прежде всего ритмъ, т. е., примѣнительно къ слову, правильное, хоть по возможности, чередованіе сильныхъ и слабыхъ словъ. Понятно, что сильный слогъ есть слогъ ударяемый. А что значитъ «ударяемый слогъ» въ ритмѣ? Очевидно — ударяемый такъ, чтобы его удареніе могло опредѣлять ритмическое движение рѣчи. Такимъ слогомъ можетъ быть только ударяемый напорно, выдыхательно (экспираторно), а не пѣвуче (хроматически). Оба эти рода ударенія едва-ли гдѣ встрѣчаются въ чистомъ видѣ: выдыхательное удареніе обыкновенно соединяется съ нѣкоторымъ повышеніемъ голоса, а пѣвучее — съ нѣкоторымъ усиленіемъ дыханія. Такъ напр. по-русски ударяемый средній слогъ въ словѣ собака звучитъ приблизительно на двѣ ступени (терцію) выше первого и на три ступени (кварту) выше послѣдняго. По-сербски рѣзко - выдыхательное

короткое нисходящее ударение — отличается, хоть и не во всѣхъ говорахъ, отъ пѣвучаго короткаго-же восходящаго такъ явственно и опредѣленно, что ихъ нельзя смѣшать даже въ однословныхъ словахъ, какъ вѣт «гибокъ» и вѣт, вѣт! «гуля, гуля!» (крикъ для призыва голубей); однако напр. въ словахъ «брѣте, опрости» ударяемый слогъ первого слова звучить не только сильнѣе послѣдняго, но и выше на три ступени, а такой-же слогъ второго не только выше первого слога на три ступени и послѣдняго — на двѣ ступени (опять-таки приблизительно), но и сильнѣе обоихъ, почему такое ударение безусловно годится для установления ритма, напр. у Йована Илича:

Убило је мѡје ѡздишанье.

Въ нѣмецкомъ Sбnnabend слогъ подъ главнымъ ударениемъ не только сильнѣе, чѣмъ слѣдующіе за нимъ слогъ подъ второстепеннымъ ударениемъ и слогъ безъ ударенія, но и выше обоихъ на три ступени.

Но такія смѣшенія двухъ началь въ удареніяхъ не мѣшаютъ ударению въ однихъ языкахъ имѣть первенствующее или даже исключительное значеніе для ритма, а въ другихъ — быть для него совершенно безразличнымъ. Эта разница зависитъ, конечно, отъ преобладанія того или другого начала въ удареніи даннаго языка, однако непремѣнно въ связи съ количественными отношеніями слоговъ, а именно: гдѣ нѣтъ постояннаго различія между долготою и краткостью, т. е. гдѣ всѣ слоги количественно безразличны, какъ напр. въ русскомъ языкѣ, въ польскомъ, лужицкомъ, болгарскомъ, тамъ и полу-выдыхательное, полу-пѣвучее ударение служить ритму достаточной, да и единственной опорой; гдѣ слышится только естественная долгота, т. е. обусловленная количествомъ однихъ гласныхъ, и при томъ лишь подъ ударениемъ, какъ у Словѣнцевъ и у современныхъ германскихъ народовъ, ритмъ основывается на удареніи; гдѣ помимо долготы гласныхъ есть и долгота слоговъ съ короткой гласной и послѣдующимъ сочетаніемъ согласныхъ (долгота по положенію, позиціонная), но то и другое слышно лишь подъ ударениемъ, хотя-бы второстепеннымъ, какъ въ древнихъ германскихъ языкахъ, тамъ ритмъ опредѣляется ударениемъ, однако съ условіемъ, чтобы сильная часть стопы состояла или изъ долгаго слога или изъ двухъ слоговъ, короткихъ или короткаго и долгаго; гдѣ ощущительны обѣ причины долготы слоговъ независимо отъ ударенія, по отношеніе между долгими и короткими слогами не кратно (не раціонально), т. е. долгота не равняется двумъ краткостямъ, какъ въ языкахъ сербо-хорватскомъ, чехо-словацкомъ, мадярскомъ, главной основой ритма служить ударение, но на ряду съ нимъ и долгота можетъ сама по себѣ занимать сильную часть стопы; гдѣ при наличности обоихъ родовъ долготы долгота, по крайней мѣрѣ,

въ извѣстномъ положеніи между краткостями, равняется двумъ краткостямъ, а удареніе выдыхательное или пѣвуче-выдыхательное, какъ въ языкахъ арабскомъ (древнемъ), персидскомъ, афганскомъ и сѣверныхъ индѣйскихъ (інди и урду), тамъ удареніе непригодно для ритма; въ языкахъ съ тѣми-же свойствами, но съ удареніемъ существенно пѣвучимъ, какъ у древнихъ Индѣйцевъ, Грековъ и Латинянъ, возможенъ ритмъ исключительно на основе разницы между долготой и краткостью, и при томъ въ такомъ разнообразіи, какое недоступно языкамъ, хотя-бы и не менѣе чувствительнымъ къ количественности, но сильнѣе напирающимъ на ударяемые слоги.

Въ первыхъ четырехъ разрядахъ языковъ, т. е. тѣхъ, въ которыхъ ритмъ опредѣляется удареніемъ, нѣкоторая примѣсь пѣвучести къ ударенію, въ основе выдыхательному, тѣмъ менѣе способна помѣшать его ритмическому значенію, что высота не связана съ иѣзъ удареніемъ неразрывно; напр. въ томъ-же русскомъ словѣ «собака», если оно произносится въ смыслѣ вопроса, выражающаго удивленіе, ударяемый слогъ можетъ быть или одной высоты съ первымъ или ниже его на одну ступень и ниже послѣдняго на пять ступеней (секту); по-нѣмецки главное удареніе бываетъ не только выше второстепенного и неударяемаго на три ступени, но при говорѣ на распѣвѣ, какъ у Саксонцевъ, понижается сравнительно съ прочими слогами на пять ступеней; по-шведски (не въ Финляндіи) главное удареніе состоить изъ двухъ частей, изъ которыхъ вторая, содергится-ли она въ томъ-же слогѣ или въ слѣдующихъ, ниже первой на одну ступень, а второстепенное удареніе выше второй части главнаго на четыре. И такъ языки по свойству ударенія, по наличности или отсутствію количественности слововъ и по отношенію долготы къ краткости распадаются съ точки зрења ритма на количественные, качественные и смѣшанные. Такъ какъ для ритма нужны сильныя и слабыя части подлежащаго ему вещества (*той фыти юреноу*), въ словѣ должны соотвѣтствовать сильнымъ частямъ ритма сильные слоги, т. е. тѣ, которые могутъ имѣть значеніе слововъ ритмически ударяемыхъ. Въ языкахъ качественныхъ такими являются слоги разговорно-ударяемые, потому что удареніе этихъ языковъ и обусловлено силою выдыханія, а въ языкахъ количественныхъ ритмическое удареніе принимаютъ на себя слоги долгіе, поставленные въ опредѣленное соотношеніе съ короткими, или короткие, соединенные по-два и такимъ-же образомъ сопоставленные съ другими короткими (послѣднее невозможно не только въ такихъ языкахъ, какъ сербскій и чешскій, но и въ такихъ, какъ арабскій или персидскій). Въ языкахъ смѣшанныхъ можно было-бы, разсуждая отвлеченно, ожидать дѣленія на преимущественно качественные и на преимущественно количественные, но въ дѣйствительности языки второго рода едва-ли встрѣчаются,

потому что преобладаніе числа ритмическихъ удареній на долгихъ слогахъ надъ числомъ ритмическихъ удареній на слогахъ разговорно ударяемыхъ, такъ пріучаетъ слухъ къ различію сильныхъ и слабыхъ частей стопы по длительности, т. е. напр. къ чередованію так-то-то-то и т. д., и такъ ослабляетъ въ ощущеніи ритмическое значение разговорно-ударяемыхъ короткихъ словъ, что ритмическая строка так-то-то-то или то-то-то-то (гдѣ | ритмическое ударение, а ' — разговорное) не можетъ показаться правильной. Другое дѣло языки преимущественно качественные, привыкшіе къ совпаденію ритмического ударенія съ разговорнымъ, однако не утратившіе чутыя и къ долготѣ, которая, задерживая на себѣ голосъ, производить впечатлѣніе если не сильного времени, то и не такого слабаго, какъ неударяемая краткость: въ нихъ строка въ родѣ то-то-то-то или то-то-то-то не приводить слушателя въ недоумѣніе относительно ритма.

Каково было стихосложеніе Индоевропейцевъ до распаденія ихъ на племена, мы не знаемъ, но можно поручиться за то, что основой ему служилъ не отвлеченный счетъ словъ, а ритмическая средства языка, каковы-бы ни были они и какъ-бы несовершенно ни примѣнялись. Во всякомъ случаѣ, если это доисторическое стихосложеніе перешло въ отдѣльные индоевропейскіе языки, оно оставалось въ каждомъ изъ нихъ лишь до тѣхъ поръ, пока данный языкъ сохранялъ праязычныя ритмическія средства, но какъ только длительность, высота и сила его звуковъ подвергались измѣненіямъ въ степени и въ распределеніи, онъ неизбѣжно бывалъ вынужденъ усвоить себѣ другой складъ стиховъ, какъ уже въ историческія времена греческій языкъ, утративъ опредѣленное различіе длительности словъ и замѣнивъ свое нѣкогда пѣвучее удареніе выдыхательнымъ, перешелъ отъ количественного стихосложенія къ качественному и еще позже въ романскихъ языкахъ, въ основѣ своей качественныхъ, произшедшихъ изъ латинскаго, существенно количественного, водворился качественно-слоговой складъ. Потому нечего и думать о какой-то наукѣ сравнительнаго стихосложения индоевропейскихъ языковъ. Если такая наука мыслима, то съ точки зрѣнія не исторіи, обусловленной взаимнымъ родствомъ, а физиологии рѣчи и отчасти въ цѣляхъ изслѣдованія культурныхъ вліяній. Но такому сравнительному изученію разныхъ видовъ стихотворнаго склада ис за чѣмъ ограничиваться индоевропейскими языками.

Иначе обстоитъ дѣло съ доисторическимъ стихосложеніемъ одного какого-нибудь отдельна языковъ до его распаденія. Нельзя сомнѣваться напр. въ томъ, что стихосложеніе общегерманскаго праязыка было въ главныхъ чертахъ таково-же, какъ древне-нѣмецкое и древне-скандинавское, т. е. вольное качественное. Съ меньшей увѣренностью, однако не

безъ значительной вѣроятности можно предположить, что стихосложение индо-иранского языка походило на то, которое мы находимъ въ Ведахъ, въ Магабхаратѣ и въ другихъ повѣстовательныхъ и учительныхъ памятникахъ санскрита, т. е. вольное количественное съ долготами то кратными, то некратными, гдѣ одна и та-же стопа могла быть представлена слогами $\text{I} \sim (2+1=3)$, $\text{J} \sim (1+1+1=3)$, $\text{L} - (1\frac{1}{2}+1\frac{1}{2}=3)$, $\text{L} \sim (1\frac{1}{2}+\frac{3}{4}+\frac{3}{4}=3)$, $\text{J} \sim (\frac{3}{9}+\frac{3}{9}+1\frac{1}{2}=3)$, а въ приступѣ передъ ритмически ударяемой долготой — даже $\text{L} \sim (1\frac{1}{3}+\frac{1}{3}+1\frac{1}{3}=3$, если не съ излишкомъ)⁶). О праславянскомъ стихосложении можно сказать решительно лишь одно — что въ основе его лежала не количественность. Заключить это позволительно 1) изъ полнаго отсутствія количественного стихосложения въ славянскихъ языкахъ и 2) изъ уже сильно развитой наклонности общеславянского языка къ сокращенію долгихъ гласныхъ (см. А. А. Шахматовъ, Къ исторіи звуковъ русскаго языка стр. 48—56, откуда, по видимому, можно вывести, что у Славянъ во время ихъ единства долгота удерживалась фонетически только въ тѣхъ слогахъ, гдѣ двѣ ея части различались по высотѣ или по силѣ, напр. — если изобразимъ долготу двойной буквой — *дўу́шж, *вийнб, *нбсийть, *носийте и т. п., да и то не въ конечномъ открытомъ слогѣ, какъ вода изъ древнѣйшаго *вода́а ср. греч. χαρά = kharàa). Что въ тѣхъ изъ славянскихъ языковъ, которые различаютъ долготу и краткость, число долготъ увеличилось вслѣдствіе стяженій, утраты слого-вого значенія глухими, положенія передъ нѣкоторыми сочетаніями согласныхъ, переноса ударенія назадъ, доказано изслѣдованіемъ Лескина, Ягича, Чернаго и др., къ которымъ въ новѣйшее время присоединился С. М. Кульбакинъ со своимъ трудомъ «Къ исторіи и діалектологіи польскаго языка». И не смотря на очень значительное число долготъ въ языкахъ чешскомъ и сербо-хорватскомъ, опыты сложенія стиховъ по древне-греческимъ образцамъ остались и тамъ и здѣсь доказательствами того, что при учености и терпѣніи нѣкоторымъ, самимъ простымъ греческимъ размѣрамъ подражать — по крайней мѣрѣ, по-чешски — возможно, но для того, чтобы наслаждаться этими подражаніями, нужны со стороны читателя тѣ-же ученость и терпѣніе, которыя еще въ добавокъ далеко не всегда бываютъ вознаграждены: то онъ сбитъ съ толку короткимъ ударенiemъ

6) Ср. древнѣйшее латинское стихосложение, допускавшее напр. такие стихи (Ter. Eun. 692):

$$\text{Respondeat. Roga. } \quad \begin{array}{c} \text{I} \sim \text{L} \sim \text{J} \\ \text{Veniisti } \underline{\text{hodie}} \end{array} \quad \begin{array}{c} \text{I} \sim \text{L} \sim \text{J} \\ \text{ad nos? negat,} \end{array}$$

т. е. по приблизительному подсчету длительности слоговъ въ этой связи

$$\frac{3}{2} + | 2 + 1 + \frac{3}{2} + \frac{1}{2} + 1 + | \frac{3}{2} + \frac{3}{2} + \frac{3}{4} + \frac{3}{4} + \frac{3}{2} + | 2 + 1 + 2.$$

мымъ слогомъ, поставленнымъ на мѣсто законной долготы, то недоумѣваетъ, принять ли ему сочетаніе согласныхъ за достаточную причину для долготы или пренебречь имъ, то не знаетъ, какъ измѣрить односложное слово, то сомнѣвается, сохранить ли за слоговыми г и І ихъ слогоное значеніе или приравнять ихъ къ прочимъ согласнымъ, то колеблется передъ ё послѣ губной, не сразу догадываясь, долженъ ли онъ признать предшествующій слогъ за долгій, какъ училъ Нидерле, или за короткій (ср. Král, o prosodii české въ Listy filologické за 1892 и 1893 г.). Это и понятно при шаткости отношенія между долготою и краткостью въ чешскомъ языкѣ (см. J. Král a F. Mareš, Trvání hlásek a slabik dle objektivné míry тамъ же 1893 г.). Въ сербо-хорватскомъ языкѣ это отношеніе при точныхъ изслѣдованіяхъ, можетъ быть, оказалось бы устойчивѣе, особенно въ слогахъ ударяемыхъ, напр. въ рѣн и вѣна, гла́с и гла́сникъ, гла́ва и гла́вица. Веберь (Ткальчикъ) утверждаетъ даже, что, какъ пишетъ онъ, много *vojníkáh*, дѣста *dásákah* (по Вуку: много војникѣ, дѣста дасака) и т. п. звучать «въ естественномъ говорѣ» такъ, что слоги *pi* и *sa* превосходятъ силою остальные (Rad XL стр. 41); но, если это вѣрно, трудно понять, какъ можетъ онъ одобрять напр. такой гексаметръ (тамъ-же стр. 40):

Около глѣдни и свѣдъ јајук чут ѡеш и лѣлѣк,

въ которомъ ритмическое удареніе трижды основано только на разговорномъ, а долгота въ пятой стопѣ идетъ за краткость. Правда, все это какъ-то согласуется съ его учениемъ о сербскомъ гексаметрѣ, но оно не менѣе отзывается личнымъ вкусомъ и личнымъ выговоромъ, нежели правила Трискаго или Суботича (Наука о сербскомъ стихотворству). А личный или мѣстный выговоръ много значить: кто — произноситъ пѣвуче, тому легче отнять у него ритмическое значеніе, чѣмъ другому, кто отличаетъ — отъ — только меньшимъ напоромъ выыханія, не говоря уже о тѣхъ Сербахъ, которые смѣшиваютъ эти ударенія; а если мы при этомъ примемъ въ расчѣтъ сокращеніе конечныхъ слоговъ, сильно распространенное въ Сербіи, то должны будемъ допустить, что напр. краљицѣ можно употребить и за анапестъ и за дактиль или, пожалуй, и за кретикъ (по Веберу чутъ-ли не именно такъ). Произвольнымъ кажется непризнаніе долготы по положенію: крест, ужъ конечно, дольше, чѣмъ крѣт, а прѣст едва-ли короче, нежели прѣт, и по-чешски *milostivý* звучить такъ, что человѣку, привыкшему только къ неколичественному языку, ударенія слышатся не на первомъ и третьемъ слогахъ, гдѣ ихъ произносить Чехъ, а на второмъ и на четвертомъ⁷⁾. Что сербскіе и хорватскіе гексаметры суть лишь трудная и не-

7) Чешскаго музыканта Бабушку (Babuška) въ Москвѣ звали Бабушкой, утверждая, что онъ самъ такъ выговариваетъ свое имя.

удачная ученая выдумка, ясно изъ самой ихъ рѣдкости. У Чеховъ количественные гексаметры и другіе греческіе размѣры встречаются гораздо чаще и выходятъ понятнѣе, однако человѣкъ не предупрежденный и не предубѣжденный даже въ такомъ образцемъ гексаметрѣ, какъ

Louka kosou sešená vojávě tady zápachy dává

Винаржицкаго прочтеть первую половину такъ-же, какъ

Šly tři hezké silnicí,

по ритму, опредѣляемому разговорнымъ удареніемъ. Нѣсколько понятнѣе строй количественныхъ стиховъ у Мадяръ, обладающихъ не только весьма значительными долготами, но и подчеркивающихъ ихъ отличіе отъ краткостей качественною разницей, особенно рѣзкой въ а (=ă) и á (=ă), e (=е открытому) и é (=é сильно закрытому). Однако нѣкоторая неясность и неустойчивость ритма есть общій удѣль такихъ языковъ, которые обладаютъ выыхательнымъ или хоть полу-выыхательнымъ удареніемъ и количественностью, независимой отъ него, но неопределенной и шаткой: въ нихъ ударение разговорное, тождественное по своей природѣ съ ритмическимъ, мѣшаетъ основать ритмъ на количественности, а долгота, привлекая на себя ритмическое удареніе, затрудняетъ теченіе ритма, опредѣляемаго удареніемъ разговорнымъ. Потому такимъ языкамъ, освоять-ли они свое стихосложеніе на одномъ разговорномъ удареніи или, въ случайной смѣнѣ съ нимъ, и на долготѣ, приходится ограничить свой стихотворный складъ лишь простѣйшими видами ритма, а именно состоящими изъ двусложныхъ или, пожалуй, четырехсложныхъ стопъ, но непремѣнно съ удареніемъ черезъ слогъ, т. е. трохеями и ямбами. Народное творчество такъ и поступаетъ, уклоняясь отъ этого правила только при подражаніи иноязычнымъ образцамъ. Въ двусложныхъ стопахъ и разница между долготою и краткостью на столько слышнѣе, чѣмъ въ трехсложныхъ, что чисто-количественные трохеи и ямбы удаются Чехамъ и Мадярамъ очень недурно (Сербы и Хорваты, кажется, не производили такихъ опытовъ).

И такъ обще-славянское стихосложеніе не было количественнымъ, а должно было для осуществленія ритма, по которому слагались тогдашнія пѣсни, пользоваться разговорнымъ удареніемъ, хотя, можетъ быть, и допускало тамъ и сѧмь долгіе слоги въ качествѣ носителей ритмического ударенія. Простѣйший изо всѣхъ мыслимыхъ стиховъ есть $\frac{1}{2} \frac{1}{2}$, т. е. двѣ стопы въ $\frac{4}{8}$ или, что то-же, въ $\frac{2}{4}$. Такіе стихи есть чуть-ли не у всѣхъ народовъ земного шара, говорящихъ съ выыхательнымъ удареніемъ, а у перво-

бытныхъ Славянъ ихъ можно предполагать тѣмъ болѣе, что они встречаются въ народной поэзіи всѣхъ нынѣ существующихъ славянскихъ племенъ, напр. по-великорусски:

Пблно, дрѣмушка, дремати,

по-малорусски:

У сусіда хата біла,

по-бѣлорусски:

Сѣю, вѣю конопельки,

по-сербски:

Коњ јунака ѡставио,

по-болгарски:

Пасалъ и Стойнъ телци-тѣ,

по-словѣнски:

То s' je vóščil túrški báša,

по-чешски:

Kdo to chodí po hřbitově,

по-словацки:

Seděla pod borovičkú⁸⁾,

по-польски:

Na podołu biały kamień,

по-лужицки:

Wšitcy panja z wójny ča'nu.

Послѣдний слогъ можетъ быть откинутъ и въ пѣніи замѣненъ соотвѣтственной передышкой или протяженiemъ предшествующаго слога:

в. р. Я постѣвила кисель.

м. р. Вѣйшли въ боле косарі.

б. р. Ой ты, галинъкій цвятокъ!

8) Впрочемъ поется въ иномъ ритмѣ:

Пользованіе такими примѣрами вызывается иногда просто случайнымъ отсутствіемъ лучшихъ, но въ подобномъ примѣненіи не есть такой подлогъ, какъ это кажется: ритмъ, указанный въ текстѣ, данъ разговорнымъ удареніемъ и потому естественъ до такой степени, что при стихахъ того-же склада всегда можно его ожидать въ другихъ такихъ пѣсняхъ. Недостатокъ въ подручныхъ примѣрахъ былъ одною изъ причинъ и того, что ниже различные размѣры подтверждены не изо всѣхъ славянскихъ языковъ; но такое подтверждение едва-ли и нужно.

срб. Стаде славуј певати.
слов. ⁹⁾ V črni góri běli grād.
луж. Dobry wečor, mačerka

и т. п. Отпасть можетъ и еще одинъ изъ послѣднихъ слоговъ, но въ пѣніи первоначальная продолжительность двустопнаго стиха возстанавливается продолженіемъ или передышкой такъ:

или такъ:

или

напр.

в. р. Звáли, зазывáли.
м. р. Гóре-ж минї, гóре.
срб. Крáльу, свéтлý крáльу.
слов. Čéla je letéla.
чеш. Za našima humny.
пол. Śpiéwa slowik, śpiéwa.
луж. Wujeřoveskej zemi.

Усъченія такого осьмисложнаго, ритмически двустопнаго стиха о четырехъ удареніяхъ — двухъ главныхъ и двухъ второстепенныхъ — могутъ идти и далѣе, т. е. до ~~и~~ и даже ~~и~~, но это уже не самостоятельные стихи, а лишь вторыя части стиховъ, употребительныя только у нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ и потому, можетъ быть, и чуждыя общеславянскому стихосложенію (ср. вообще L. Zima, Nacrt naše metrike narodne obzírom na stihove drugih naroda o osobito Slavenâ въ Rad XLVIII 170—221 и XLIX 1—64 и его же I opet o metriči narodnich pjesama тамъ-же XCIII 197—235). А что стихи состояли у Славянъ искони, по малой мѣрѣ, изъ двухъ частей или соединялись въ пѣніи по-два и по-три, слѣдуетъ не только изъ наличности этого явленія въ народномъ творчествѣ отдельныхъ славянскихъ племенъ, но также изъ музыкальной необходимости: самый напѣвъ слагается не менѣе чѣмъ изъ двухъ такъ называемыхъ предложенийъ (у Грековъ хóλосу) — повышенія и пониженія, вопроса и отвѣта. Эти части составляютъ вмѣстѣ музыкальную фразу (у Грековъ περίστοσ), которая иногда исчерпываетъ собою напѣвъ, иногда связывается съ другою фразой, въ которой разрабатывается и развивается тотъ-же напѣвъ, и это соединеніе у насъ по недоразумѣнію или подъ вліяніемъ

9) Т. е. по-словѣнски (а не по-словацки), какъ и ниже.

принято музыкантами изъ грамматики слова «предложение», называется периодомъ (у Грековъ строфы или, какъ часть строфы, *сύστημα*). Соединению двухъ стиховъ въ одно музыкальное цѣлое нѣмецкіе писатели по стихосложенію придали название Langvers или Langzeile. Связанные такимъ образомъ два стиха часто, но далеко не всегда снабжаются примѣтами, указывающими на ихъ сопринаадлежность къ одному цѣлому. Таковы различное число словъ, а иногда и стопъ, присутствіе безударного приступа въ одномъ стихѣ и отсутствіе этой прибавки въ другомъ, въ позднѣйшія времена — созвучіе концовъ (ассонансъ и риэма). Можно догадываться, что нѣкоторыя изъ такихъ соединеній, со вѣшними примѣтами или безъ нихъ, были известны Славянамъ еще въ пору ихъ нераздѣльности, напр. полный стихъ *Люблю дважды*:

в. р. Изъ-подъ дуба, изъ-подъ вяза,	изъ-подъ вязова кореня,
м. р. Танцовала риба з ракомъ,	а петрушка з пустернакомъ.

срб. Нйт бн Ѹре, нйт бн плужи,
слов. Àl me bôš kaj ráda 'mêla,
чеш. Uliánka, čistá panna,

věh za drágom mýlo týži.
ko bôm násil súknjo býlo.
u Dunaja šaty prala

и т. п. Такъ-же и урѣзанный *Люблю* (—) или, въ пѣніи, *Люблю* (—):

в. р. Друженька хоробашенький,	друженька пригбженъкій.
м. р. Ой, к в мѣне чароньки:	блѣ личко, бровоньки.
срб. Немојте ме стрѣлати:	jâ hy вѣма пѣвати.
слов. Моя ланjska ljubica,	ki me nóčeš ljubit věč.
чеш. A já jednu miluju,	a druhé zas slibuju.
луж. Teptana jo шаацьска;	chtóga ju jo hutepata?

Вдвойнѣ урѣзанный или, ритмически, стянутый въ концѣ *Люблю* (—) или *Люблю* (—):

в. р. Добры кони тонуть,	молодцы томятся (XVII в.).
м. р. Ой, за гаюм, гаюм,	гаюм зелененьким.
б. р. А ци дѣма, дѣма,	пѣне господару?
срб. Цвала јеси, рѣжа,	лѣпо јеси цвала.
болг. Казвай, Донке, казвай,	щѣ си съгрѣшила.
слов. Kítica zeléna,	гѣžica ruména.
чеш. Já ji koupil pentli	baryu proměňavé.

пол. Świeci miesiąc, świeci i nie dùgo zgaśnie.
луж. We tej našej bróžni šjere móšje pišča.

Соединяются и стихи разной линии: *— | — + — | —*, напр.:

в. р. Čhalъ поба́ръ на чуми́чкѣ, двѣ́ кастрю́ли впереди.
слов. Dávi pà je slánca pála na zeléne trávnikе.
луж. Hólčik jjedže pó -wsy delje, holčo džeše po wodu¹⁰).

и т. п., но все въ пѣсняхъ новыхъ и отчасти искусственныхъ, потому что послѣдовательное чередование стиховъ одного и того-же ритма и отличающихся другъ отъ друга только присутствиемъ или отсутствиемъ одного безударного слога въ концѣ чуждо старой народной пѣснѣ. Другое дѣло — сокращение большее, слога на-два, при которомъ стихъ, по крайней мѣрѣ, въ разговорномъ произношениі теряетъ свое послѣднее удареніе, напр.

в. р. Во саду́-ли, въ огородѣ́ дѣвица гуля́ла.
м. р. Шлі́ короби из дуброви, а овѣ́чки з поля.
срб. Бòсиоче, бòсиоче, ў ширину пастї.
слов. Žolta vtica lépo róje dôl pod bêlim grâdom.
пол. Otóz tobie, moja córko, na pamiątkę daję

или:

м. р. Ой летіла зозу́ленка через пôле, гай.
срб. Jào, жёно, живá жёльо, dâ што hý ti jâ? ¹¹).
слов. Rôža cvéla, rôža cvéla blízu Dúnaja.
пол. Ożenił się stary z młodą, razem poszli spać¹²)

или:

м. р. Ой, у пôлѣ крини́ченка — ви́дно днô.
словацк. Ešče sa vás, mámušečko, spytat mám.

Такъ-же съ урѣзаннымъ на слогъ первымъ стихомъ или, точнѣе, полустишиемъ, за которымъ слѣдуетъ передышка:

10) Въ пѣни размѣръ $\downarrow \text{---} \downarrow \text{---} \downarrow \text{---} \downarrow \text{---}$ (Smoler i Haupt I, LXV).

11) Cp. Hektorović, Ribanje, ст. 229—232.

12) Въ языкахъ, пользующихся слоговыми стихосложениемъ, не всегда было возможно прискать примѣры безукоризненно ритмическія. Впрочемъ ниже будетъ выяснена зависимость слогового стихосложения отъ стопнаго.

в. р. Ой, спасибо-же тебе,	сънему кувшины ^{13).}
м. р. Чи я мўжу не жонá,	чи не господиња?
срб. Дарове је спрѣмила	за сваког јунака.
слов. Kádar bôš ti vándrat šél,	prídi mén' povéjdat.
пол. Musiał księdzu grzywnę dać,	marmirową swięcę.

Должно впрочемъ замѣтить, что въ пѣсняхъ чисто народныхъ число слоговъ первого полустишія рѣдко выдерживается не только при разницѣ между полустишіями всего на одинъ слогъ, о чёмъ сказано выше, но и при болѣе значительной, а именно первое полустишіе одной и той-же пѣсни можетъ являться въ видѣ то с-с-с- | с-с-с-, то с-с-с- | с-с-, то с-с-с- | с- безо вся-каго порядка. Поучительно сравнить первые стихи двухъ сходныхъ между собою галицкихъ пѣсенъ — польской:

Jasia konia poił,	Kasiä wodę brała.
Jaś sobie zaśpiawał,	Kasia zapłakała.
«Nie płacz, Kasio, nie płacz,	dosyć tego płaczu:
Pójdziesz do Jasiunia	gdyby do pałacu

и малорусской:

Козак коня напаваў,	Дзюба вóду брала.
Козак себі заспіваў,	Дзюба заплакала.
«Не плач, Дзюбо мой люба,	дóкіль я з тобою;
Як поіду на Вкраїну,	заплачеш за мною,

которые допускаютъ одинъ и тотъ-же напевъ. Попадается такое разнооб-разіе и во второмъ полустишіи, напр. у Малорусовъ-же, но несравненно рѣже. Тѣмъ замѣчательнѣе выдержанность очень употребительной строфы, которой первый, второй и четвертый стихи усъчены, а третій сохраняетъ всѣ восемь слоговъ:

13) Этотъ размѣръ, какъ и предыдущій, по видимому, зашелъ въ Великую Россію изъ Малой, почему они и являются часто въ слоговомъ строѣ, напр. въ пѣснѣ (Пальчиковъ, Крестьянскія пѣсни № 110)

Какъ со вечера рабину дождичкомъ мо́чайо
далѣе поется:

Танцуй, дѣвка, танцуй, красна, танцуй веселенько,

что похоже на простой переводъ съ малорусского

Танцуй, дѣвко, танцуй, серце, танцуй веселенько.

Пусты мене мати,
Буду, мати, жито жати,
Czysta woda, czysta,
Tam si stoi ładna panna,

в полье жито жати;
доленьки шукати.
tam koniki piją,
tam się chłopcy biją¹⁴⁾

или:

Na té louce zelení
Páse jich tam mysliveček

pásou se tam jeleni;
v kamizolce zelení,

также посредствомъ повторенія стиха:

Teče voda studená,
К nejmilejší do dvorečka,

teče voda studená
k nejmilejší do dvora.

Первая изъ этихъ строфъ есть и у Литовцевъ;

Аугино мочутé
Ój kú várdu duktérélés,

трис юнас дукралéс.
мочутéс дукралéс?

и т. д. — пѣсня изъ 12 строфъ, въ сборнике Ф. Фортунатова и Вс. Ф. Миллера № XXVIII. Причина такого неравенства стиховъ можетъ заключаться въ какихъ-нибудь особенностяхъ соответствующей имъ пляски. Впрочемъ основа такого построения строфы не только не славяно-балтийская, но и не славянская, какъ видно напр. изъ того, что оно встрѣчается въ стихотвореніи англійской королевы Елизаветы, состоящемъ изъ своеобразнаго сочетанія стиховъ обыкновенной англійской балладной строфы:

The doubt of future foes
Exiles my present joy;
And wit me warnes to shun such snares,
As threaten mine annoy

14) Но во второй строфе того-же краковяка всѣ стихи разны:

«Nie bijcie się, chłopcy,	dla Boga świętego:
Nie pójdę za wszystkich,	tylko za jednego.

То-же явленіе въ другомъ краковякѣ:

Siwy konik, siwy,	malowane sanki,
A ja siadę i pojadę	do swojej kochanki.
Cztery mili lasu	jadę bez popasu,
Piąta mila — pola,	gdzie kochanka moja.

Оба эти краковяка сообщены мнѣ А. Е. Крымскимъ при слѣдующей припискѣ: «Обидні пісні відомі міні з дитячих літ. Чи були вони де оголошенні друком, не знаю».

и т. д. (Thomas Percy, Reliques of ancient english poetry. Vol. 2 p. 169 Tauchn.).

Число слоговъ меньшее числа ритмическихъ единицъ (временъ, χρόνοι), составляющихъ стопы, возможно не только въ концѣ стиховъ, но и внутри ихъ. Примѣры тому мы видѣли выше у Германцевъ и Грековъ, также у Лужичанъ и Словѣнцевъ; но есть ихъ не мало и у другихъ Славянъ, особенно у Русскихъ. Первоначальный стихъ $\text{с} \text{с} \text{с}$ | $\text{с} \text{с} \text{с}$ и даже $\text{с} \text{с} \text{с}$ | $\text{с} \text{с}$ рѣдко является у Великорусовъ и Бѣлорусовъ въ чистомъ видѣ, а по большей части со стяженіями, напр. въ общей обоимъ веснянкѣ:

А мы прбо сѣяли, сѣяли,

которой у Малорусовъ соотвѣтствуетъ (А. Метлинскій, Народныя южно-русскія пѣсни, стр. 296):

Ой, ми побле бремо, бремо,

и таковъ-же обыкновенно этотъ сложный стихъ у Малорусовъ и въ другихъ пѣсняхъ, напр.

Кукуріку, півнику, на току.

Кромѣ того для пониманія строя русскихъ стиховъ необходимо замѣтить, что въ нихъ 1) ритмические ряды $\text{с} \text{с} \text{с}$ | $\text{с} \text{с} \text{с}$ соединяются по-два такъ тѣсно, что граница между двумя такими рядами, составляющими одинъ сложный стихъ (Langvers, перѣбос), не совпадаетъ обязательно съ концемъ первой стопы, напр. (А. И. Соболевскій, Великорусскія народныя пѣсни, VII, 67):

Шила, вышивала тбнки бѣлы рукава

и ниже въ той-же пѣснѣ:

Хвасталь онъ, нахвастывалъ богачествомъ своимъ;

2) такой-же двусложный или односложный безударный приступъ, какой вслѣдствіе неточнаго разграничения двухъ членовъ сложнаго стиха образуется передъ вторымъ членомъ, часто прибавляется и къ началу первого, напр.

Ахъ, усынъки, усы да удалые молодцы.

А хозяйка-то божится: «Ни полушки за душѣй»;

3) стихъ | подводится подъ одно главное ударение и образуетъ одну стопу , напр.

Ахъ вы, сѣни, мой сѣни, сѣни новыя мой.

Соединеніе этихъ трехъ условій даетъ намъ ключъ къ уразумѣнію строя такихъ вольныхъ, но ритмически правильныхъ сложныхъ стиховъ, каковы слѣдующіе:

Во стольномъ гробѣ	Кіевѣ,
У ласкова князя	Владимира
Было пироварье,	почестный пиръ,
Было столоварье,	почестный столь
На многи князи,	бояра
И русски могучи	богатыри.

Особый видъ этого стиха допускаетъ въ концѣ еще большее стяженіе:

Сплачется	мала птичка,
Бѣлая	пелепѣлка:
«Охте, мнѣ, молоды,	горевати:
Хотять сырый дубъ	зажигати»

и т. д. (XVII в.). Возможенъ тотъ-же конецъ и съ постоянной передышкой: . Отсюда сильно урѣзанный стихъ | , который впрочемъ измѣряется чуть-ли не всегда вдвое болѣе короткими стопами, вѣроятно, во избѣжаніе черезчуръ долгой передышки, и лишенъ сѣченія (пезуры) по серединѣ:

Ты поди, мой коровушка, домой¹⁵⁾.

Тамъ-же со стяженіями:

Ужъ какъ всѣ мужѣ до жёнъ добры.
Онъ купилъ мнѣ коровушку.

15) Издатель, акад. А. И. Соболевскій, замѣчаетъ (VII стр. 187): «Пѣсня, можетъ быть, искусственная». Почему? Складомъ и запѣвомъ она совершенно сходна съ величальную «Ужъ и мѣ было такого молодца», а въ языке не содержить ничего хоть сколько-нибудь подозрительного.

Въ другой пѣснѣ (XVII—XVIII в.):

У Спаса къ обѣднѣ звонять.
Тѣща къ обѣднѣ спѣшить.

И въ тѣхъ пѣсняхъ, изъ которыхъ примѣры приведены выше, гораздо больше стиховъ со стяженіями или, въ сѣченіи, съ передышками, чѣмъ полныхъ, напр. въ «Ахъ вы, сѣни»:

Сѣни новыя, кленовыя, рѣшѣтчатыя.
Зовутъ Ванюшкою пивоварушкою,

въ «Шила, вышивала»:

Замужъ-ли идти,
Замужъ не ходи
во вдовахъ-ли мнѣ сидѣть?
и во вдовахъ не сиди.

Тамъ-же съ безударнымъ приступомъ:

Пойдій, дитя мілое,
Посидѣнки соберу
въ дѣвичій монастырь.
и веселье заведу.

Первоначальный стихъ | | | | | часто стягивается уже въ самомъ началѣ:

Зайнка, попляши!
срѣнькій, поскакай!

Въ пѣсняхъ протяжныхъ или, иначе, проголосныхъ растяженіе словъ доходитъ до того, что напр. изъ стиха

Внизъ по матушкѣ по Болгѣ,

въ разговорномъ произношеніи ничѣмъ не отличающагося отъ

А хозяйка-то божится

или отъ

Ахъ вы, сѣни, мои сѣни,

возникаетъ въ напѣвѣ четырех-членный сложный стихъ (періодъсъ тетрахмосъ)

Внизъ по маатуш- кѣ по Бон- 000000л- гѣ,

а изъ слѣдующаго за нимъ

По широкому раздолью —

трех-членный (*περίσδος τρίκωλος*):

По широкому раздолью оооль-ю.

Стихъ обычнаго эпического размѣра

Вдоль по мбрю, мбрю синему

въ хороводной пѣснѣ развертывается посредствомъ протяженія и повтореній въ два стиха:

Вдоль по-о морю (дважды),
Вдоль по морю, морю си- инему

и т. п. вплоть до повторенія отдельныхъ слоговъ или частей словъ. Такое отношеніе къ рѣчи словно къ подставкѣ для напѣва или къ руслу, по которому онъ течетъ, отличающее также персидское пѣніе, стало возможно лишь тогда, когда не только произошло полное отдѣленіе пѣсни отъ пляски, отъ которой нѣкогда, вѣроятно, зависѣла ея строй, но и напѣвъ получилъ на столько самостоятельное значеніе, что, хотя пѣніе не могло обходиться безъ словъ, что свойственно лишь инструментальной музыкѣ, однако пѣвецъ уже считалъ дозволеннымъ свободно пользоваться словами пѣсни для показанія своего искусства во всей его широтѣ. Такое обращеніе съ пѣсенной рѣчью, свидѣтельствующее о высокомъ развитіи пѣнія, не можетъ быть принадлежностью отдаленной, безъискусственной старины, а потому при догадкахъ о временахъ славянскаго единства безопаснѣе придерживаться пѣсень, наиболѣе простыхъ и упорядоченныхъ въ своемъ ритмическомъ движеніи, т. е. преимущественно эпическихъ, исполненіе которыхъ по самому ихъ содержанію должно бережно относиться къ словамъ, и плясовыхъ, отличающихся рѣзкой опредѣленностью ритма. Указанными выше стихотворными размѣрами далеко не исчерпывается ритмическое богатство великорусской старинной пѣсни, но для выясненія ея внѣшняго строя въ общихъ чертахъ довольно и сказанного. Старинная пѣсня Бѣлорусовъ складывается такъ-же до мелочей; есть въ ней напр. и широко распространенная въ великорусскомъ пѣспопѣніи энкліза:

Изъ подъ лѣсу, лѣсу цѣмнаго
Ишлѣ тучка волочбная

и т. п. У Малорусовъ пѣсни такого склада встрѣчаются гораздо рѣже, но все-таки встречаются, и при томъ — а это очень знаменательно — особенно между обрядовыми, какова «Петрівочка» (Метлинскій, стр. 312):

Мáла нíчка	Петрівочка,
Що не вýспалась	наша дівочка

или «зажнївна» (тамъ-же, стр. 322):

Розгорися, вечéрняя	збря,
Приберися, наша	перед раннёю стóй;
	господинька,
	перед наими жнїями,

изъ «заплачки» (тамъ-же, стр. 292):

Ой, коли нам тебé	сподівáться,
Щоб нам ик тобі	прибрáться?,

изъ другой (тамъ-же, стр. 293):

Не чўнш, мой	родителько,
Не чўнш ти менé,	моя ріднесенька?
Оходили твої ніженьки,	
Одробили твої рученьки,	
Оддивились твої бченъки	

и т. д. съ безпорядочной смѣшной двустопныхъ стиховъ въ $\frac{4}{4}$ (или четырехстопныхъ въ $\frac{3}{4}$) и трехстопныхъ въ $\frac{2}{4}$, какъ и въ слѣдующей свадебной (Метл., стр. 211):

Зажурилась перепéлочка:	
«Бідна мой	та голóвочка,
Що я рано из вýрью	вýлетіла!
Нігде миї	гнїзда звити

(съ энклізою) и т. д.

И такъ стихосложеніе этого рода, т. е. качественное, но не стопное въ новѣйшемъ смыслѣ, предполагающемъ выраженіе каждого ритмического времени внутри стиха особымъ слогомъ, мы можемъ смѣло признать обще-русскимъ. Слѣды такого стихосложенія попадаются, по видимому, и у Болгаръ; по крайней мѣрѣ, можно такъ прочесть напр. слѣдующую хороводную (К. А. Шапкаревъ, Сборникъ отъ бѣлгарски народни умотворения. Часть третя, стр. 106):

Ми се поболи невѣшче-то, А од-ошчо? — Ми се напило три гжрина	jáс, спромах! Ни од-нишчо! — благо-вино, дб-Бога!
---	---

и т. д. (ср. также Auguste Dozon, Бѣлгарски народни пѣсни. Chansons populaires bulgares inédites №№ 3, 37, 62, 63, 66, 67, 83, Supplément 5, 6, 11). При такомъ чтеніи, хоть оно, можетъ быть, и не совпадаетъ съ современнымъ намъ напѣвомъ, получается даже тотъ самый размѣръ, который намъ хорошо знакомъ изъ эпическихъ и многихъ плясовыхъ и лирическихъ русскихъ пѣсенъ. Тотъ-же складъ слышится иногда у Болгаръ изъ-подъ излюбленного ими осьмисложнаго слогового стиха, напр. (Dizon, № 39):

Дѣне бѣне Дѣн ми бѣн Со сѣляне, Сѣляне му	щелѣпине, ми вино пик сос кмѣтове. говорѣха
--	--

и т. д., почти такъ-же, какъ напр. въ великорусской пѣсenkѣ

Скѣчеть галка Машеть хвостомъ	по єльничку, по берёзничку.
----------------------------------	--------------------------------

У другихъ Славянъ нечего искать и слѣдовъ такого стихосложенія: одни изъ нихъ сходны съ этимъ въ основѣ складъ стиховъ переняли у Нѣмцевъ, другие не признаютъ стиха вѣ счета слоговъ. Но каково было ихъ стихосложение до иноязычнаго вліянія и до перемѣнъ въ удареніи? какъ слагали свои стихи Сербы и Хорваты ранѣе распространенія штокавскаго выговора и Поляки, Чехи, Лужичане въ то время, когда ихъ удареніе еще не было прикреплено однообразно къ такимъ-то мѣстамъ въ словѣ? Можетъ быть — за исключеніемъ равносложности — напр. такъ:

Соколь гнѣздо виѣ
У јелової горѣ,
Соколу долаѣ

у јелової горѣ,
на јелової грани.
из горѣ јунаци...

Производить такие опыты съ другими изъ названныхъ выше языковъ, древнейшее ударение которыхъ не засвидѣтельствовано памятниками, было бы ужь совсѣмъ не научно; относительно этихъ языковъ можно лишь на всякой случай, не принимая на себя никакой отвѣтственности за такое указаніе, упомянуть о томъ, какъ легко даже въ ихъ настоящемъ видѣ примѣняется къ нимъ иногда древне-русское стихосложеніе, напр. въ нижнелужицкой пѣснѣ:

Šlej stej dwje rjednej	tam pši wjazofe,
Pši tom mje wjazofe	pši dlymokem.
Nikogo nejstej	tam nadejšloj,
Ak tog' jadnego	pšewjadnika

и т. д., между прочимъ

Posrež teje dlyme	tam pšijjezeštej.
-------------------	-------------------

И такъ очень часто именно у Лужичанъ. Случайность ли это? Правда, стихотворный складъ лужицкихъ пѣсень вообще и этотъ размѣръ носять на себѣ несомнѣнную печать нѣмецкаго вліянія, но съ другой стороны нельзя не отмѣтить того, что Нѣмецъ слагаетъ стопу такого ритма обыкновенно изъ двухъ или трехъ словъ, а Лужичанинъ нисколько не затрудняется четырьмя и кромѣ того гораздо менѣе Нѣмца гоняется за риѳомъ и даже за простымъ созвучиемъ гласныхъ. Вообще у Нѣмца, какъ и у всѣхъ Германцевъ, больше наклонности къ куплетному построению, которое перешло и къ Словѣнцамъ даже въ сравнительно старыя пѣсни, допускающія русское ритмическое измѣреніе, какова въ Водниковомъ сборникѣ пѣсня Brašno :

Mója měhka čfna rútica
Pólna bélíh je solzâ,
Šópek lóša bóm narédila,
Svój'ga šáplja svítlega¹⁶⁾.

16) Здѣсь приведена вторая строфа, потому что въ первой есть два сомнительныхъ ударения.

А складъ рѣчи или, говоря иначе, пѣсенная реторика? У Смолеря и Гаупта лужицкія пѣсни переведены нѣмецкими стихами, но даже въ этомъ пре-
восходномъ переводѣ то та, то другая выдаютъ свое славянское проис-
хождение. Да и за только-что приведеннымъ примѣромъ слышится что-то
въ родѣ

Проходили двѣ дѣвицы,	двѣ красныя
У тогб-ли у бозера	глубокаго.
Никогб онѣ тамъ	не примѣтили,
Только одногб	перевозничка.

Есть у Лужичанъ размѣры и не нѣмецкіе, напр. краковякъ, восходя-
щій, по видимому, къ общеславянской порѣ. Почему же не допустить, что
изъ нѣмецкихъ стиховъ именно вольные такъ сильно привились на лужиц-
кой почвѣ вслѣдствіе своего сходства съ вольными-же стихами славянскими,
сохранившимися у Лужичанъ издревле? Такое предположеніе едва-ли можно
опровергнуть указаніемъ на то, что у Лужичанъ, какъ и у Нѣмцевъ, эти
стихи трехдольны, а у насъ — по крайней мѣрѣ, какъ кажется, перво-
начально — двухдольны: и нашъ эпическій стихъ поется иногда трех-
дольно, напр.

Ты прости, прошай,	вѣсь вольный свѣтъ
--------------------	--------------------

или въ той-же пѣснѣ:

Въ зеленыхъ-то лугахъ	тамъ ростѣтъ трава ¹⁷⁾ .
-----------------------	-------------------------------------

Этотъ ритмъ могъ развиться у Лужичанъ постепенно путемъ превращенія
первоначального двухдольного стиха $\text{---}|\text{---}$ въ трехдольный $\text{---}|\text{---}|\text{---}$,
какъ

Hólčik jjedžе po -wsy dělje,	
Holčo dzjěše po wodu.	

Такой стихъ мы находимъ въпольской мазуркѣ, напр.

Jeszcze Polska nie zginęła.	
-----------------------------	--

17) У Пальчикова (Крестьянскія пѣсни № 65) въ этой пѣснѣ, какъ и въ некоторыхъ другихъ, приступъ не выдѣляется.

Отсюда путемъ разложеній, какія встрѣчаются и въ той-же лужицкой пѣснѣ, напр.

Z ^ф_у ^т_у ^м_а ^ј_у nowymaj khanamaj¹⁸⁾,

и потомъ посредствомъ новыхъ стяженій легко получить четыре четверти въ чистомъ видѣ, какъ у Шопена въ одной изъ мазурокъ:

фу-му-у | т-у-м | т-у-м | т-у-м.

Но какъ-бы слабы или спорны ни были остатки славянской старины въ лужицкихъ пѣсняхъ, во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что старинное русское стихосложеніе возникло не позже поры единства всѣхъ русскихъ племенъ, а такъ какъ оно представляетъ собою стихотворный складъ гораздо болѣе древній, чѣмъ стихи прочихъ Славянъ, отчасти чуждые по происхожденію, отчасти заключенные въ определенное число слоговъ, древность его, по всей вѣроятности, заходитъ за предѣлы обще-русского языка. Однако для того, чтобы признать его обще-славянскимъ, нужно доказать, что всѣ роды славянского стихосложенія, не носящіе на себѣ явныхъ признаковъ чужого влиянія, могутъ быть выведены изъ того склада, который лежитъ въ основѣ древне-русского стихосложенія.

Всѣ Славяне, кромѣ Великоруссовъ, Бѣлорусовъ, Словѣнцевъ и Лужицанъ, пользуются такъ называемымъ слоговымъ (силлабическимъ) стихосложеніемъ, т. е. основаннымъ на счетѣ слоговъ. Это не значитъ, чтобы въ каждомъ стихѣ было необходимо совершенно одинаковое число слоговъ; такое условіе исполнимо только въ искусственной поэзіи, а въ народной, неизмѣнно сопровождаемой пѣніемъ, оно и ненужно, и въ самомъ дѣлѣ мы могли убѣдиться хотя-бы изъ помѣщенныхъ выше примѣровъ, что народъ соблюдаетъ его далеко не всегда. Но отмѣченные тамъ случаи неравенства стиховъ сводятся къ пропуску или прибавкѣ слоговъ не внутри стиха, а въ концѣ, гдѣ возможна передышка. Помимо этого мѣста, допускающаго и другія вольности, напр. въ количественныхъ стихахъ—безразличный слогъ, число слоговъ меньшее числа ритмическихъ единицъ времени встрѣчается развѣ лишь въ общеизвѣстныхъ и прочно утвержденныхъ видахъ стиховъ, напр. въ томъ, къ которому относится польскій краковякъ, но, конечно, предназначенному не для сопровожденія пляской, напр. въ малорусской пѣснѣ:

Хоча я убога,
Не піду за тѣбе,
не маю грбшай¹⁹⁾,
бо ты нехорбшай.

18) У Смолеря и Гаупта (I, LXV), кажется, опечатка въ нотахъ.

19) Такъ у Мети. стр. 118; но поютъ, вѣроятно, и «хоч не маю грбшай». Для размѣра сравни впрочемъ Радомысьскую стр. 361—362 (послѣдній стихъ строфы).

и т. д. съ разными измѣненіями, между прочимъ

Я ж ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о
доріженъку ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о
перегорожу,

въ болгарской:

Посадил ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о
ми дѣдо ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о
три леи цфекье

и въ той-же пѣснѣ (Шашкаревъ III, стр. 111):

Да му го кóрнат ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о
корен по корен, ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о

въ польской:

Już miesiąc zeszedł, ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о
gwiazda się zaćmiła, ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о

въ чешской:

Hezké je to město, ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о
to město Praha, ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о

въ лужицкой:

Zady našej pecy ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о
kuntworki 'raja, ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о
Čerwene, zelene ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о
suknički maja ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о

и въ той-же пѣснѣ (Smolér i Haupt I, LXII) даже

Kup mi lik, kup mi lik, ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о
Juračko, woła^{20).} ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о

20) Ср. Малорусскую:

Cír'v' мужик жыто, ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о
жінка кáже: «Mák, máka». ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о
Нехáй тák, нехáй тák: ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о
нехáй жыто бúде mák ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о

и затынскую (Э. А. Вольтеръ, Материалы для этнографіи затынского племени Витебской губерніи I, стр. 12, № 17):

Ceiruls olu dora ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о
iz to mita gola. ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о
Wel ná tai, wel ná tai, ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о
soksim wel no gola. ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о

То-же съ нѣсколькою болѣе длинными основными стихомъ во второй части строфы чешскаго страшака (strašák—родъ польки):

A já jednu miluju ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о
a druhé zas slibuju. ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о
Já sem tak, jako pták: ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о
pomiluju, nechám tak. ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о

Такъ-же въ пятой строфи старо-польской Богородичной пѣсни:

Nas dla wstał z martwych syn Boży — ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о
wierzyż w to, człowiek zbożny, ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о
Iż przez trud Bóg swój lud ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о
odjął djablej strózy, ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о

Свободно употреблены стянутые виды стиха въ примѣрахъ болгарскомъ и лужицкомъ, а въ польскомъ и въ чешскомъ стяженія пріурочены однообразно къ опредѣленнымъ мѣстамъ строфы съ не меншею искусственностью, чѣмъ у Франциска Карпинскаго (Pieśni, ksiega II, XXXI Sczescie przy Dorydzie):

Kiedy ja usiade Oczy w nię wlepię A ona mi jeszcze Day mi twe serce:	koło méy Dorydy, i zapomnę biedy, powie, jak mawiała: jām ci moje dała
---	---

и т. д. съ Wtenczas, Jeszcze, Dla jéy, Zorgę въ началѣ каждого второго стиха, очевидно, ради ритма, который довольно исправно соблюденъ въ этомъ стихотвореніи (см. однако ст. 3). И такъ стяженія помимо конца мы находимъ въ совершенно опредѣленномъ стихотворномъ размѣрѣ, до такой степени ясномъ не только слушателю, но и читателю, что ихъ рѣшился употребить въ немъ, хоть и съ предосторожностями, такой ужъ совсѣмъ не народный поэтъ, какъ Карпинскій. Возможно, что и сербскій десятисложный стихъ стянутъ изъ двѣнадцати-сложного и т. д. (ср. мое изслѣ-

если третье полустишіе ритмически не одинаково съ четвертымъ. Такъ-же въ мадярской пѣснѣ того-же склада:

Kinék van, kinék van Annák van, annák van	karika gyűrűje, barna szeretője
--	------------------------------------

и т. д. и даже въ искусственномъ Családi kör Ишака Араки (Arany János):

Este van, este van: Feketén bólingat Zug az éji bogár, Nagyot koppan akkor,	kiki nyugalomba! az eperfa lombja, néki megy a falnak, azután elhallgat
--	--

и т. д. Изъ одной чешской (гамацкой) пѣсни мнѣ вспоминается припѣвъ, приблизительно такой:

Buděš má, buděš má, Byť chťula, byť nechťula.
--

Есть и въ одной великорусской пѣсenkѣ не то нѣмецкаго, не то чешскаго происхожденія такие стихи, распѣваемые на голосъ такихъ-же стиховъ страшака:

Хи, хи, хи! ха, ха, ха! Какъ намъ жалко пѣтуха!
--

дованіе «Происхожденіе десятисложнаго стиха южныхъ и западныхъ Славянъ» въ «Сборникѣ въ честь В. И. Ламанского»).

Но вообще числовое начало въ этомъ родѣ стихосложенія сохраняетъ свою существенность тѣмъ болѣе, что такие стихи слагаются безъ опредѣленного, выдержаннаго ритма. Однако и послѣднее правило требуетъ оговорки. Во первыхъ оно касается слоговыхъ стиховъ лишь въ разговорномъ произношенніи, а пѣніе вносить въ нихъ ритмъ, не менѣе строгій, чѣмъ во всякие иные, хотя въ тѣхъ языкахъ, которые не сохранили никакихъ остатковъ древнѣйшаго стихосложенія, этотъ ритмъ состоитъ изъ двусложныхъ и четырехсложныхъ стопъ, т. е. бываетъ всегда двухдольный, а если и трехдольный, то все-таки въ четырехъ слогахъ: *ж-ж-*, напр. въ мазуркѣ. Во вторыхъ должно замѣтить, что относительно единственного въ качественныхъ (тоническихъ) языкахъ способа осуществленія ритма, а именно—посредствомъ совпаденія двухъ удареній, ритмического и разговорнаго, въ одномъ и томъ-же слогѣ, языки, пользующіеся слоговымъ стихосложеніемъ, должны быть раздѣлены на два разряда: языки, ищущіе указаннаго совпаденія, по крайней мѣрѣ, въ концѣ стиха²¹⁾ или ритмического ряда, передъ сѣченіемъ, и языки, равнодушные къ этому совпаденію. Къ первому разряду принадлежать языки романскіе (кромѣ румынского, въ искусственной поэзіи усвоившаго себѣ стопное стихосложение), а изъ славянскихъ — польскій, ко второму — сербо-хорватскій, болгарскій (не въ письменности), чехо- словацкій (также, но не всегда) и отчасти малорусскій. Возможно впрочемъ, что и у Поляковъ совпаденіе разговорнаго ударенія съ ритмическимъ въ концѣ стиха или полустишия или, по напѣву, музыкальнаго предложения зависитъ не отъ какого-либо правила, хотя и безсознательнаго, а просто отъ того, что разговорное ударение падаетъ по-польски на предпослѣдній слогъ слова, чтѣ въ свою очередь обусловливаетъ женское окончаніе ритмическихъ рядовъ за исключеніемъ лишь того случая, если въ концѣ окажется односложное ударяемое слово. Но такихъ словъ сравнительно мало, и народъ не станетъ ихъ подыскивать такъ, какъ напр. Асныкъ въ чрезвычайно искусно сложенномъ стихотвореніи *Rózowa chwilka*:

Pięknum jest ten gaj,
Pięknum świezy maj,

Piękna jezior toń,
Co roznosi woń

и т. д. Потому совершенно естественно дается упомянутое совпаденіе въ народномъ двѣнадцати-сложномъ стихѣ (краковянкѣ):

Opuszczę te kraje, pojadę w te strony,

21) Ср. въ количественно-слоговыхъ древне-санскритскихъ *gāyatrī* и *anuṣṭubh* почти обязательное окончаніе *—* и въ возникшемъ изъ *anuṣṭubh* классическомъ *člōka* безусловно обязательное въ концѣ *— — —*.

въ искусственномъ соотвѣтствующемъ нашему пяти-стопному ямбу одиннадцатисложномъ:

Snīla się zima, ja biegłem w szeregu,

и т. п., хотя, при встрѣчѣ удареній обоихъ родовъ лишь передъ остановками, только-что приведенные примѣры съ точки зреяня качественно-стопнаго склада кажутся не трохаческимъ и ямбическимъ, какъ они должны слышаться въ пѣніи, а амфибрахическимъ и дактилическимъ. Но Полякъ обѣ этомъ не думаетъ, обращая вниманіе лишь на послѣднія ударенія. Однако въ самомъ обычномъ и распространенномъ размѣрѣ, который или остался изъ тѣхъ временъ, когда польское удареніе еще не было закрѣплено за предпослѣднімъ слогомъ, или заимствованъ Поляками у Малоруссовъ, въ тринадцати-сложномъ стихѣ совпаденіе обоихъ удареній на исходѣ первого полустишия представило имъ, по малой мѣрѣ, съ XVI в., первой известной намъ поры его появленія, такую трудность, что они не успѣли вполнѣ справиться съ нею и въ XIX в. Ритмъ этого стиха въ напѣвѣ тотъ-же, что въ уже приведенномъ малорусскомъ примѣрѣ

Чи я мўжу не жонá, чи не господїнъ?

Такъ и у Рея (Rozdzał piaty):

Widzisz iako marny swiát ná tym sie zásadzil

съ односложнымъ словомъ въ сѣченіи. Но, чѣмъ болѣе этотъ размѣръ былъ употребителенъ, тѣмъ чаще слагатели стиховъ должны бывали разрѣшать себѣ въ этомъ мѣстѣ болѣе длинныя слова, а при нихъ разговорное удареніе падало на предпослѣдній слогъ полустишия, чтѣ по требованіямъ стопнаго стихосложенія давало такой ритмъ, какой мы находимъ у Рея въ стихѣ, сѣдущемъ за выписанымъ:

A iako dzyeći czaczkiem, tak nás wszytki zdradzili,

т. е. тотъ-же, что — mutatis mutandis — въ латинскомъ Сатурновскомъ²²⁾.

22) Разумѣется, если мы будемъ читать *versus, quos olim Fauni vatesque canebant*, такъ, какъ ихъ читалъ Теренціанъ Мавръ, разбиралъ въ видѣ примѣра угрозу Метелловъ Невію:

«Malum dabunt Metellis»
Post «Naevio poetae» —

clauda pars dimetrist;
tres vides trochaeos,

Но Полякамъ нѣтъ дѣла до разговорныхъ удареній ни въ началѣ, ни въ серединѣ полустишия, и потому при чтеніи они довольствуются блѣднымъ и шаткимъ подобиемъ случайного ритма, основаннмъ лишь на двухъ удареніяхъ, изъ которыхъ только одно связано опредѣленнымъ мѣстомъ:

$\begin{array}{c} \text{L} \\ \text{I} \\ \text{t} \\ \text{w} \\ \text{o}, \end{array}$ $\begin{array}{c} \text{o} \\ \text{j} \\ \text{e} \\ \text{c} \\ \text{z} \\ \text{y} \\ \text{n} \\ \text{u} \\ \text{z} \\ \text{m} \\ \text{o} \\ \text{a} \\ \text{,} \end{array}$	$\begin{array}{c} \text{t} \\ \text{y} \\ \text{j} \\ \text{e} \\ \text{s} \\ \text{e} \\ \text{ } \\ \text{ } \end{array}$ $\begin{array}{c} \text{z} \\ \text{d} \\ \text{r} \\ \text{o} \\ \text{w} \\ \text{i} \\ \text{e} \\ \text{,} \end{array}$
$\begin{array}{c} \text{P} \\ \text{l} \\ \text{e} \\ \text{c} \\ \text{i} \\ \text{e} \\ \text{ } \\ \text{ } \end{array}$ $\begin{array}{c} \text{t} \\ \text{r} \\ \text{e} \\ \text{z} \\ \text{b} \\ \text{a} \\ \text{,} \end{array}$ $\begin{array}{c} \text{c} \\ \text{e} \\ \text{n} \\ \text{i} \\ \text{c} \\ \text{,} \end{array}$	$\begin{array}{c} \text{t} \\ \text{e} \\ \text{n} \\ \text{ } \\ \text{t} \\ \text{y} \\ \text{l} \\ \text{k} \\ \text{o} \\ \text{s} \\ \text{ } \end{array}$ $\begin{array}{c} \text{s} \\ \text{i} \\ \text{e} \\ \text{ } \\ \text{d} \\ \text{o} \\ \text{w} \\ \text{i} \\ \text{e} \\ \text{,} \end{array}$
$\begin{array}{c} \text{K} \\ \text{t} \\ \text{o} \\ \text{c} \\ \text{i} \\ \text{e} \\ \text{ } \\ \text{ } \end{array}$ $\begin{array}{c} \text{s} \\ \text{t} \\ \text{r} \\ \text{a} \\ \text{c} \\ \text{i} \\ \text{l} \\ \text{,} \end{array}$ $\begin{array}{c} \text{D} \\ \text{z} \\ \text{i} \\ \text{s} \\ \text{ } \end{array}$ $\begin{array}{c} \text{p} \\ \text{i} \\ \text{e} \\ \text{k} \\ \text{n} \\ \text{o} \\ \text{s} \\ \text{c} \\ \text{,} \end{array}$	$\begin{array}{c} \text{t} \\ \text{w} \\ \text{a} \\ \text{ } \\ \text{w} \\ \text{c} \\ \text{a} \\ \text{l} \\ \text{e} \\ \text{ } \end{array}$ $\begin{array}{c} \text{t} \\ \text{o} \\ \text{z} \\ \text{d} \\ \text{o} \\ \text{b} \\ \text{e} \\ \text{,} \end{array}$
$\begin{array}{c} \text{W} \\ \text{i} \\ \text{d} \\ \text{z} \\ \text{e} \\ \text{ } \\ \text{ } \end{array}$ $\begin{array}{c} \text{i} \\ \text{p} \\ \text{o} \\ \text{i} \\ \text{s} \\ \text{u} \\ \text{j} \\ \text{e} \\ \text{,} \end{array}$	$\begin{array}{c} \text{b} \\ \text{o} \\ \text{t} \\ \text{e} \\ \text{s} \\ \text{k} \\ \text{n} \\ \text{e} \\ \text{p} \\ \text{o} \\ \text{t} \\ \text{b} \\ \text{e} \\ \text{,} \end{array}$

Но въ той-же первой книгѣ «Пана Тадеуша» черезъ какихъ-нибудь три страницы мы натыкаемся на стихъ

$\begin{array}{c} \text{W} \\ \text{y} \\ \text{s} \\ \text{e} \\ \text{d} \\ \text{ł} \\ \text{,} \end{array}$ $\begin{array}{c} \text{z} \\ \text{m} \\ \text{i} \\ \text{e} \\ \text{s} \\ \text{a} \\ \text{n} \\ \text{y} \\ \text{,} \end{array}$ $\begin{array}{c} \text{i} \\ \text{c} \\ \text{z} \\ \text{u} \\ \text{ł} \\ \text{,} \end{array}$	$\begin{array}{c} \text{ż} \\ \text{e} \\ \text{ } \\ \text{m} \\ \text{u} \\ \text{,} \end{array}$ $\begin{array}{c} \text{s} \\ \text{e} \\ \text{r} \\ \text{c} \\ \text{e} \\ \text{ } \end{array}$ $\begin{array}{c} \text{b} \\ \text{i} \\ \text{ł} \\ \text{o} \\ \text{,} \end{array}$
---	---

на слѣдующей страницѣ:

$\begin{array}{c} \text{O} \\ \text{d} \\ \text{d} \\ \text{n} \\ \text{i} \\ \text{,} \end{array}$ $\begin{array}{c} \text{k} \\ \text{i} \\ \text{l} \\ \text{k} \\ \text{u} \\ \text{,} \end{array}$ $\begin{array}{c} \text{z} \\ \text{b} \\ \text{i} \\ \text{e} \\ \text{r} \\ \text{a} \\ \text{,} \end{array}$	$\begin{array}{c} \text{n} \\ \text{a} \\ \text{ } \\ \text{s} \\ \text{ą} \\ \text{y} \\ \text{,} \end{array}$ $\begin{array}{c} \text{g} \\ \text{a} \\ \text{r} \\ \text{a} \\ \text{n} \\ \text{i} \\ \text{c} \\ \text{z} \\ \text{n} \\ \text{e} \end{array}$
---	---

и т. п. съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ первого полустишия, въ томъ числѣ и

$\begin{array}{c} \text{H} \\ \text{e} \\ \text{.} \end{array}$ $\begin{array}{c} \text{O} \\ \text{j} \\ \text{c} \\ \text{z} \\ \text{y} \\ \text{z} \\ \text{a} \\ \text{!} \end{array}$ $\begin{array}{c} \text{J} \\ \text{a} \\ \text{ } \\ \text{n} \\ \text{e} \\ \text{s} \\ \text{z} \\ \text{p} \\ \text{e} \\ \text{g}, \end{array}$	$\begin{array}{c} \text{a} \\ \text{p} \\ \text{o} \\ \text{p} \\ \text{o} \\ \text{l} \\ \text{s} \\ \text{k} \\ \text{u} \\ \text{m} \\ \text{e} \\ \text{,} \end{array}$
--	---

что въ пѣніи дастъ тотъ самый ритмъ, въ который отлился идеальный съ этой стороны стихъ Кохановскаго въ «Сатирѣ» (Satyr):

$\begin{array}{c} \text{W} \\ \text{r} \\ \text{o} \\ \text{ž} \\ \text{n} \\ \text{y} \\ \text{c} \\ \text{h} \\ \text{g} \\ \text{l} \\ \text{o} \\ \text{w} \\ \text{a} \\ \text{c} \\ \text{h} \\ \text{a} \\ \text{c} \\ \text{e} \end{array}$	$\begin{array}{c} \text{r} \\ \text{o} \\ \text{ž} \\ \text{n} \\ \text{e} \\ \text{ } \\ \text{ } \end{array}$ $\begin{array}{c} \text{o} \\ \text{b} \\ \text{y} \\ \text{c} \\ \text{z} \\ \text{a} \\ \text{j} \\ \text{e}, \end{array}$
---	--

а не такъ, какъ вѣдумалось читать этотъ стихъ Турнейзеку будто-бы по древнѣйшему разговорному ударенію:

$\begin{array}{c} \text{M} \\ \text{a} \\ \text{l} \\ \text{u} \\ \text{m} \\ \text{,} \end{array}$ $\begin{array}{c} \text{d} \\ \text{a} \\ \text{b} \\ \text{u} \\ \text{n} \\ \text{t} \\ \text{ } \end{array}$ $\begin{array}{c} \text{M} \\ \text{e} \\ \text{t} \\ \text{e} \\ \text{l} \\ \text{l} \\ \text{i} \end{array}$	$\begin{array}{c} \text{N} \\ \text{a} \\ \text{e} \\ \text{v} \\ \text{i} \\ \text{o} \\ \text{,} \end{array}$ $\begin{array}{c} \text{p} \\ \text{o} \\ \text{e} \\ \text{t} \\ \text{a} \\ \text{e} \end{array}$
---	---

безъ вниманія къ количественности. Но если мы вообразимъ себѣ хоть славянскія строки съ такимъ-же распорядкомъ долготъ и краткостей, напр.— да же поѣтъ сербскіе и чешскіе читатели на эту неслѣдницу! —

$\begin{array}{c} \text{U} \\ \text{t} \\ \text{o} \\ \text{m} \\ \text{t} \\ \text{h} \\ \text{e} \\ \text{m} \\ \text{h} \\ \text{a} \\ \text{d} \\ \text{y} \\ \text{u} \end{array}$	$\begin{array}{c} \text{m} \\ \text{l} \\ \text{a} \\ \text{d} \\ \text{ } \\ \text{ } \end{array}$ $\begin{array}{c} \text{c} \\ \text{l} \\ \text{a} \\ \text{v} \\ \text{u} \\ \text{y} \\ \text{j} \\ \text{u} \\ \text{b} \\ \text{o} \\ \text{r} \\ \text{k} \end{array}$
$\begin{array}{c} \text{K} \\ \text{d} \\ \text{e} \\ \text{z} \\ \text{d} \\ \text{u} \\ \text{b} \\ \text{,} \end{array}$	$\begin{array}{c} \text{t} \\ \text{a} \\ \text{e} \\ \text{m} \\ \text{n} \\ \text{y} \end{array}$

количественный ритмъ едва-ли ускользнетъ и отъ славянскаго уха, не привченнаго къ такому строю стиховъ; а могъ-ли его не замѣтить Римлининъ, да еще въ стихахъ латинскихъ? Cр. Fr. Leo, Der Saturnische Vers. Berlin. 1905.

т. е. основной качественно-стопный. Не даромъ и нашъ Кантемиръ, писавшій свои тринадцатисложные стихи по польскому образцу, въ позднѣйшихъ своихъ сатирахъ сталъ склоняться къ мужескому окончанію перваго полустишия, напр.

↑ ↓ ↑ ↓ ↓ ↓ ↓ ↓ ↓ ↓ ↓ ↓ ↓ ↓ ↓ ↓
Тотъ лишь въ жизни сей блаженъ, кто малымъ доволенъ.

Въ старину такие стихи попадались у Поляковъ сплошь да рядомъ и даже не въ одиночку, напр. у Рея Do Boga:

Day słyszec̄ on wdzięczny głos	pospołu z onemi,
Które będziesz raczył zwać	przyjacioły swemi.

Но, какъ мы видѣли, не вывелись они и у позднѣйшихъ стихотворцевъ. И хорошо дѣлаютъ Поляки, что, хоть изрѣдка и безсознательно, вспоминаютъ стопный первообразъ, потому что только съ его помощью и можно слѣдить непосредственно и постоянно за правильнымъ строемъ такого громдкаго стиха. Иначе, отвлекшись отъ образца ↓↓↓↓↓↓, легко сбиться съ вѣрного расчлененія, какъ въ «Лудиномъ мѣшкѣ» (Worek Judaszow):

Za sprawedliwe się i	za nabożne stawią
----------------------	-------------------

или тамъ-же:

Przyczynę kładą i na	potrzebę zawitać
----------------------	------------------

и еще хуже у стихотворца XIX в., Люціана Семенскаго (Fraszki, Przesada):

Czemu? bo i pomysł zwy-	czajny i obrazy.
-------------------------	------------------

Можно запутаться и въ счетѣ слоговъ, чтò случилось съ Мицкевичемъ въ первой книжѣ «Пана Тадеуша»:

Z palcami swemi zabiegał	aż do drugiej strony,
--------------------------	-----------------------

если только не правъ Р. Ф. Брандтъ, подозрѣвая, что самъ Мицкевичъ написалъ Z palcy. Допустимо впрочемъ, что это слишкомъ длинное полустишие вырвалось у Мицкевича въ силу воспоминанія о такихъ народныхъ стихахъ, какъ

Oj, a gdzież ten krzywy Jan,	co chodził z toporem,
Kijanką się opasywał,	podpierał się wogiem?

И лучше было-бы Полякамъ усвоить себѣ въ письменности полный видъ полустишия, не требующій ни особыхъ усилий со стороны стихотворца,

ни противорѣчія между удареніями ритмическимъ и разговорнымъ тамъ, гдѣ они должны сходиться. Та-же борьба замѣчается на первыхъ порахъ и въ одиннадцатисложномъ стихѣ, котораго стопный строй можно найти кое-гдѣ уже у Рея, напр. въ Pokoy z walką:

Jednego walka

zniszczy tak i z domem,

но тамъ-же:

Dziwnato jest rzecz,

kiedy się dwa zwadzą,

гдѣ впрочемъ вслѣдствіе долготы закрытаго *a* въ *dziwna*, да еще при энклізѣ, ритмъ могъ быть лучше, нежели намъ кажется; но несомнѣнно рѣзкое противорѣчіе въ стихѣ

Lać niewinną krew

prze uporną chciwość.

Явъ Кохановскій уже рѣшительно избѣгаетъ такого ритма даже въ сап-финской строфѣ, гдѣ онъ могъ-бы найти себѣ оправданіе въ древнемъ первообразѣ, особенно латинскомъ у Гораци. Впрочемъ у Карпинскаго (Pieśni, księga II, XIII = Przeciwko Fanatyzmowi):

Kiedy ktoś ręce

równo ze mną wznosi,

Nie potępiać go,

on je wzniósł do góru,

если онъ не имѣль въ виду какого-нибудь особеннаго мѣстнаго выговора. Таковы исключенія изъ правила о согласованіи послѣдняго въ стихѣ или полустишии ритмическаго ударенія съ разговорнымъ; но правило остается.

Въ языкахъ, не ищащихъ этого совпаденія, вопросъ объ удареніяхъ отчасти сложнѣе, отчасти проще. Обратимся прежде всего къ племени, стихосложеніе котораго кажется особенно загадочнымъ даже въ рукахъ писателей, пользующихся чужими размѣрами,— къ Сербамъ и Хорватамъ, слагающимъ стихи, помимо разницы въ удареніяхъ ихъ варѣчай, совершенно одинаково. Оговоримся, что здѣсь рѣчь идетъ только о Штокавцахъ такъ какъ въ тѣхъ немногихъ образчикахъ пѣсенного творчества Чакавцевъ, которые до сихъ поръ известны, слѣды чакавскаго ударенія, если и есть, то во всякомъ случаѣ незначительны вслѣдствіе очевиднаго подражанія штокавскому складу. Чтобы выяснить себѣ понятія самихъ Сербовъ и Хорватовъ о средствахъ ихъ языка для осуществленія ритма, разсмотримъ въ видѣ примѣра стихотвореніе, по намѣренію сочинителя, стопное—«Луначки одговор» Миты Поповича, поэта новаго, родомъ изъ города Баи (Bâja)

въ Бачкѣ, чтѣ важно въ томъ смыслѣ, что говорь австрійскихъ Сербовъ занимаетъ какъ-бы середину между говорами балканскихъ и хорватскихъ Штокавцевъ (не Кайкавцевъ, склоняющихся отчасти къ чакавщинѣ, отчасти къ словѣнщинѣ). Кромѣ того это стихотвореніе написано трохеями, болѣе свойственными сербо-хорватскому языку, чѣмъ какая-бы то ни была стопа, и потому наиболѣе привычными слуху сербскаго или хорватскаго стихотворца изъ народныхъ пѣсенъ:²³⁾

Прѣжило се поље рѣвно,
Поље дѣго, зѣлено,
А на њѣму кнѣзь Даніло
Пије вино прѣено.

5 Према њѣму Омер-паша
Разапео шаторе,
Па он шаље посланика,
Да му с' лави покоре.

Свѣ се грѣтом насмѣјаше,
10 Кнѣзь Даніло највише,
Па ѡдговор Омер-паша
На фишку он пише:

«Родио си с', да крѣст браниш,
А сад си му ти злѣтвор;
15 Иђурице Омер-паша,
Фишек ти је ѡдговор!»²⁴⁾

23) Ударенія размѣчены въ этомъ стихотвореніи преподавателемъ Бѣлградской Великой Школы Радованомъ Ивановичемъ Кошутичемъ изъ Срема, где говорить нарѣчіемъ очень сходнымъ, если не тождественнымъ, съ бачванскимъ. Въ этомъ нарѣчіи комечные открыты гласны, по видимому, вездѣ сокращаются, а закрытны — тамъ, где имъ предшествуетъ неударяемый слогъ, слѣдующій за ударяемымъ, или долгота, хотя и ударяемая, или короткое исходящее удареніе; и такъ ѿде, ѿгори, ѿгорим, ѿловор, ѿавом, ѿром. Но камѣнъ (= камень, а каменъ = каменный) съ явственной долготой, а чинимъ, ѿдомъ, ѿспѣдар, ѿтрѣгъ даже съ такимъ преобладаніемъ долготы надъ удареніемъ, что слышится почти чинимъ, ѿдомъ и т. п., если же за долготой съ предшествующимъ короткимъ восходящимъ удареніемъ слѣдуютъ еще одинъ или два слога, удареніе падаетъ на эту долготу: чинимо, чините, также пијемо, пијете, потому что тамъ говорить не пијемъ, пијеш, пије, а пијемъ, пијеш, пије (однако бѣдемъ, кријемъ и т. п.). Иногда, какъ и во многихъ другихъ нарѣчіяхъ, короткое восходящее удареніе уступаетъ въ Сремѣ свое мѣсто короткому исходящему, примѣры чему ниже.

24) По Вуку и Даничу рѣвно, дѣго, зѣлено, пије, прѣено, разапео, шаторе (? шатор род. шатора), паша, шаље, посланика, покоре, пише, браниш, ѡдзовор.

Здѣсь обращаютъ на себя вниманіе нѣкоторые случаи противорѣчія между удареніями ритмическимъ и разговорнымъ. Въ стихѣ 9 *насмѣяше* и въ ст. 12 *на фишку* въ значеніи двухъ трохеевъ — оба случая съ восходящимъ удареніемъ на второмъ слогѣ, которое, очевидно, не только звучать слабо, съ относительно ничтожнымъ напоромъ, но и захватывается въ предѣлы своего дѣйствія, согласно съ наблюденіями проф. Мазинга, послѣдующій слогъ достаточно сильно для того, чтобы онъ могъ при нуждѣ сойти за ритмически ударяемый и даже распространить свою ритмическую силу назадъ черезъ непосредственно предшествующій ему слогъ, какъ въ стихѣ Пушкина

На бѣрегу пустынныхъ волнъ

ударяемый слогъ *у*, подавляя слогъ *ре*, усиливаетъ слогъ *бе*. Въ ст. 11 сочетаніе *Па ѿдгор* представляетъ собою два трохея, въ ст. 12 онъ *пїше* и въ ст. 14 *ти злѣтвор* — кретики, въ ст. 13 *да крест* и въ ст. 14 *А сад* — трохеи, гдѣ ритмомъ обойдено уже нисходящее удареніе, сильное, но лишь на одно мгновеніе²⁵⁾, и во всѣхъ пяти случаяхъ оно ритмически пропадаетъ послѣ односложныхъ словъ. Всѣ эти сочетанія словъ можно признать кретиками и трохеями больше въ умозрѣніи, чѣмъ на дѣлѣ. И все-таки Сербъ принимаетъ такія сочетанія съ односложнымъ впереди, особенно двухъ односложныхъ, когда нужно, за трохеи и другія нисходящія стопы, если не по слуху, то по привычкѣ къ подавляющему дѣйствію односложного слова на слѣдующее удареніе, — привычкѣ, глубоко укоренившейся въ ритмическомъ сознаніи сербо-хорватскаго племени и, конечно, имѣющей физиологическое основаніе.

Разберемъ еще одинъ примѣръ личнаго, искусственнаго творчества, менѣе стройный въ ритмическомъ отношеніи, — изъ Аріостова *Orlando furioso* въ переводѣ Драгиши Станоевича, замѣчательномъ между прочимъ тою особенностью, что переводчикъ, подобно недавно скончавшемуся словѣнскому ученому и поэту, Ваљавцу, признаетъ риѳмы только съ безусловно одинакими удареніями, которыя онъ и размѣтилъ на всѣхъ риѳмующихся словахъ. Возьмемъ строфиу семидесятую двадцать-пятой пѣсни, разставивъ однако ударенія не на однихъ послѣднихъ словахъ каждого стиха и вообще на помѣченныхъ самимъ переводчикомъ, а на всѣхъ ударяемыхъ и замѣ-

25) Такъ и на долготѣ, потому что напр. *а* звучитъ приблизительно какъ *а*, а не какъ *аа*, и напрасно я склонился къ смѣшанію сербскаго " съ греческимъ " («Двоегласныи въ древне-греческомъ языке съ физиологической точки зрѣнія» примѣръ 6 — изъ «Сборникъ статей» въ честь Ф. О. Фортунатова). Къ упомянутому тамъ *даа* вмѣсто *да* прибавь изъ Вука-же *таabora* вмѣсто *тabora* въ стихѣ

У сред турскогъ сильна тabora.

нивъ знакъ — на долгихъ неударяемыхъ гласныхъ обыкновеннымъ знакомъ долготы. Размѣръ — такъ называемый дванаестерац, уже извѣстный намъ | . . . | . . . | . . . | . . .

Родоману ²⁶⁾ дати За отѣту, смили Марфизу, вѣтѣштомъ Хтѣде употребѣтъ К'о да Амор нѣмѣ Нит' опѣрисати К'о да бѣвѣ дѣ се Онѣм, што Татарин	джеву у замену Татарин ²⁷⁾ практичкѣ, своијем знамену, при трампи фактичкѣ! вольцу стамену, єумијѣ тактичкѣ! и бы прилагоди један му народи.
---	--

Ст. 1: *Родоману*, ст. 3: *Марфизу*, ст. 7: *прилагоди*, ст. 8: *Татарин* и *народи* —ср. замѣченное выше къ ст. 8, а въ ст. 2 *За отѣту* ритмическое усиление слога *тѣ* облегчается долготою и предшествующимъ односложнымъ словомъ, въ ст. 2 *практичкѣ*, въ ст. 4 *фактичкѣ*, въ ст. 6 *тактичкѣ* предпослѣдніе слоги также долги по положенію. Въ ст. 3 *вѣтѣштомъ* съ амфибрахическимъ измѣреніемъ извиваятся долготою середняго слога. Трудно объяснить возможность такой постановки словъ *замену, знамену, стамену* въ концѣ стиховъ 1, 3 и 5. Въ первомъ изъ этихъ случаевъ еще можно допустить влияніе предшествующаго *у* какъ односложнаго, а въ двухъ остальныхъ мыслимо лишь одно — такое-же влияніе предшествующихъ *своијем* и *вольцу*, дактилей съ ритмическимъ значеніемъ кретиковъ. Что риэма въ этихъ стихахъ составлена изъ трехъ словъ, а не изъ двухъ, какъ требуетъ размѣръ, зависитъ только отъ щепетильно-добропровѣстнаго отношения переводчика къ разговорному ударенію помимо его связи съ удареніемъ ритмическимъ. Это видно между прочимъ изъ тѣхъ стиховъ, которыхъ риэма состоитъ изъ неравныхъ словъ, двусложнаго и болѣе длиннаго, напр. XXIV 53 ст. 7—8:

Йзрѣженна бїеше На лицу джевичнѣ	нейзмјерна ²⁸⁾ бѣлька двѣга пурбѣлька
-------------------------------------	---

или тамъ-же 61 ст. 7—8:

На Дуринданино Јуршати бѣгме	сијеваше страшнѣ дѣло је замашно,
---------------------------------	--------------------------------------

26) Или *Родоману*?

27) По выговору Р. И. Кошутича *Татарин*.

28) По выговору Р. И. Кошутича *бѣше нейзмѣрна*. Впрочемъ простое прошедшее несовершенное въ скромскомъ нарѣчии почти пропало.

что Станоевичъ со своей точки зрѣнія могъ разрѣшить себѣ только потому, что писалъ по Вукову способу *пѣупољка, зѣмѣшино*, обозначая долготу за удареніемъ той-же дугой, какою въ *бѣлька* и *стѣаинѣ* отмѣчено самое удареніе. Та-же забота, отчасти зрительная, о полномъ взаимномъ сходствѣ риемующихъ словъ, начиная съ ударяемаго слога, не менѣе явствуетъ изъ риемъ, захватывающихъ цѣлыхъ два трохея, какъ тамъ-же въ строфѣ 85:

Узѣлуд пѣтоком Гдѣмѣме јѣду	сїзе прѣлијевѣ, не одлијевѣ.
--------------------------------	---------------------------------

Правда, въ послѣднемъ примѣрѣ созвучіе доведено до такого совершенства, дальше которого можетъ завлечь только шутка, подобная Пушкинской въ «Графѣ Нулинѣ»:

Но что-же дѣлаетъ супруга
Одна, въ отсутствіи супруга?

А Сербы не раздѣляютъ такой взыскательности къ созвучіямъ и довольствуются риемами напр. Йована Илича, у которого среди стиховъ того же размѣра нетрудно найти такіе (Космај):

Од тутњавѣ пустѣ Чѣни ти се, пѣбро, Тѣце цагор дѣгле Да прѣотмѣ жубер Прѣлијећу лѣтом Гдѣ'но вѣла кунѣ Одѣвно је било, Кад во гњѣвом Марко И кол'ко се, пѣбро, У кориту сина Брисну б'јѣла вѣла, У кориту Марко Но је јунак дѣван Те се ѡ сад памти,	игрѣ и пјесама гдѣра се прѣлама! по гдри зѣленој, вѣдици стїденој ²⁹⁾), вѣлино корито, чѣдо пѣносито. ал' се ѡ сад памти, на вилу запламти. занио бѣјаше, посјећи јој шѣаше! и Бѣг јој поможе: саломио нѣже. спомен оставио, ко је Марко био.
---	--

Цѣль этой довольно длинной выписки состоитъ въ томъ, чтобы 1) показать, какія условія Сербъ считаетъ достаточными для ясности двуслож-

29) Въ Сремѣ *стїденој* (ср. у Вука *стїдѣм* ж. р. = стужа), ниже *ињеван* (ср. у Вука *ињеван*, *ињевити*), *бїдаше*. О сокращеніи конечныхъ гласныхъ уже было сказано въ примѣчаніи 23.

наго созвучія, которое — что важно для этого изслѣдованія — содержитъ въ себѣ слогъ ритмически ударяемый, и 2) провѣрить на примѣрѣ, по замыслу стопномъ, но довольно безъискусственному, тѣ соображенія о ритмическихъ средствахъ сербскаго языка, которыя изложены выше по поводу другихъ двухъ примѣровъ. И эти соображенія подтвердились на столько, что теперь, кажется, можно выразить ихъ въ видѣ правилъ, хотя бы только предварительныхъ, ожидающихъ дальнѣйшей проверки со стороны самихъ Сербовъ и Хорватовъ, изъ которыхъ внимательно рассматривалъ этотъ вопросъ чуть-ли не одинъ Миливой Шрепель въ своей книжѣ *Akcenat i metar junačkih narodnih pjesama* (Zagreb 1886). И такъ: 1) ритмическое удареніе можетъ падать не только на разговорно ударяемые слоги, но и на непосредственно сосѣдніе съ восходящимъ удареніемъ, которое въ такихъ случаяхъ лишается своего ритмического значенія, напр. *набацати* — не только набацати, но и набацати, и такъ-же *загасити*, не смотря на долготу; 2) односложное слово, въ разговорѣ даже неударяемое, можетъ считаться ритмически ударяемымъ со всѣми послѣдствіями этого усиленія для послѣдующаго слова, напр. *у рибама* — не только у рибама, но и у рибама; 3) такое-же дѣйствіе имѣютъ иногда слова и сочетанія по разговорному ударенію дактилическія, напр. *изгдава кѣтица* = изгдава, *од злата јабука* = од злата; 4) всѣ эти условія значительно поддерживаются долготою въ качествѣ ритмически ударяемаго слога, напр. 1) *набацато* = набацато, *загасито* = загасито, 2) *да вѣдимо* = да вѣдимо, *злополѣђа* (только вѣшнее сложеніе, *Zusammenrѣckung*) = злополѣђа, 3) *злѣнѣномъ јабукомъ* = злѣнѣномъ јабукомъ, *турскѣа кѣвѣка* = турскѣа кѣвѣка, еще лучше *злѣнѣихъ јабукѣ* = злѣнѣихъ јабукѣ, и, повидимому, уже вполнѣ правильно *из горѣ дјевоїка* = из горѣ дјевоїка, годное для риѳмы напр. съ *оде єсрѣ бдјка* или *с њбме боца Гојка* или *оришића луда сѣјка*. Ритмическое значеніе долготы давно признано самими Сербами, но, говоря о немъ, они обыкновенно разумѣютъ долготу естественную, а между тѣмъ едва-ли можно отрицать ритмическую силу и въ долготѣ по положенію, производимой двумя согласными двухъ разныхъ слоговъ, какъ *карта-шица* = карта-шица, но и = карта-шица, *јасак чини* = јасак чини или јасак чини. Какъ-бы то ни было, всѣ или почти всѣ эти способы, такъ сказать, обхода разговорнаго ударенія, особенно энклиза многосложнаго слова послѣ слова дактилическаго или такого-же соединенія словъ, представляются вольностями довольно условнаго свойства, и чѣмъ искусственнѣе размѣръ — т. е., говоря попросту, если онъ не состоитъ изъ трохеевъ —, тѣмъ болѣе насильственнымъ кажется примѣненіе этихъ сдѣлокъ съ естественнымъ ходомъ рѣчи, а потому и стихи тѣмъ менѣе производятъ впечатлѣніе плавности, напр. въ стихотвореніи Станка Враза «Лијепа Анка», написанное будто-бы четырехстопныиъ ямбомъ:

Алѣ је л'јепа наша Апка!
 Да л' је љистина? да л' је сан?
 Трѣсѹ се ббр и јела танка,
 Завиђајѹ јој струк танан

и т. д. Изъ этихъ четырехъ стиховъ только въ первомъ ясно слышится предположенный стихотворцемъ ритмъ, во второмъ приходится пустить въ дѣло сомнительную силу односложнаго неударяемаго слова, въ третьемъ — пѣвучесть восходящаго ударенія и тяжесть долготы, а четвертый держится также силою односложнаго слова, впрочемъ съ долгой ударяемой гласной. Это впрочемъ еще не значитъ, что Сербы и Хорваты должны довольствоваться одними трохеями, отказавшись даже отъ ямбовъ: не отъ ямбовъ, а только отъ спорныхъ вольностей, особенно въ началѣ стихотворенія, пока читатель еще не усвоилъ себѣ его ритма. Справедливость этого замѣчанія показываютъ такие примѣры, какъ посланіе «Људевити» Хорвата Юрия (Ђуро) Арнольда:

Ти пѣташ, лица Хладовит поглѣд И пѣташ, откуд Па кдја ли ме На чѣлу да се Ах, нѣмбј пѣтат —	зашто сї ми бл'јѣда, попуг крхка лѣда, сдвобјне мїсли ийчѹ, мори вј'еком бј'єда, түгѣ звѣди стїчѹ. слушај тужву причу
--	--

и т. д. Но такие стихи достаются не легко и потому обыкновенно отзываются искусственностью. Всѣ исчисленныя выше вольности и даже связанныя съ ними неправильности такъ вѣлись въ понятія Серба о стихосложеніи, что безъ нихъ онъ не можетъ сочинять стихи непосредственно и остается равнодушенъ къ сочиненнымъ иначе. И это понятно: таковъ строй его народныхъ пѣсенъ. А если такъ, всѣ эти замѣчанія разговорнаго ударенія въ качествѣ ритмического и вообще невзыскательность по части ритма должны имѣть естественное основаніе, если не въ настоящемъ, то, по крайней мѣрѣ, въ прошедшемъ. Выше уже было сказано, что подъ Сербами или Хорватами здѣсь разумѣются только Штокавцы, оттянувшіе, какъ извѣстно, древнее восходящее удареніе на одинъ слогъ ближе къ началу слова и потому говорящіе *вѣда* вмѣсто *вода*, *мѣва* (= *мадва*) вмѣсто *млава*, *кѣвач* съ род. пад. *ковача* вмѣсто *ковач* съ род. *ковача*, какъ до сихъ поръ произносятъ Чакавцы. Переходъ отъ ударенія чакавскаго къ штокавскому совершился, конечно, не сразу и даже не вездѣ послѣдовательно (ср. напр. А. А. Шахматова «Къ исторіи удареній въ славянскихъ

языкахъ» въ Извѣстіяхъ Отдѣл. р. яз. и слов. Импер. Академіи Наукъ III, стр. 31—34 и особенно изслѣдованіе Милана Решетара Die serbokroatische Betonung südwestlicher Mundarten въ Schriften der Balkancommission. Linguistische Abtheilung I), и, если еще въ наши дни Штокавцы различаютъ ударенія въ *вода*, *мѣва* и въ *воду*, *мѣву*, то, чѣмъ болѣе отдаленную пору штокавцины мы себѣ представимъ, тѣмъ яснѣе должна была въ то время слышаться эта разница. Древнѣйшіе Штокавцы произносили *вода*, вѣроятно, такъ, что оба слога были приблизительно одинаковы по силѣ и по высотѣ, и при такомъ выговорѣ имъ было все равно, который изъ этихъ слоговъ поставить подъ ритмическое удареніе. Въ такое время ясно слышалась риѳма напр. въ пословицѣ «Царевацъ је царевацъ, ако нѣ ѡмати и новацъ, а магарацъ је магарацъ, ако ѡмати и златан покрывацъ (или покровацъ)», откуда эпиграмма «Човјекъ» Дубровчанина XVI в., Николы Димитрича:

Човјек ѡбит човјек, А осо осо вјек,	да неима ни новацъ, да ѡмѣа злат покрывацъ. ³⁰⁾
--	---

Впослѣдствіи такое колебаніе стало возможно только въ словахъ, содержащихъ въ себѣ болѣе двухъ слоговъ, какъ *водица*, гдѣ возможно сравненіе нѣкогда ударяемаго слога съ искони безударнымъ. Вотъ начало постановки словъ, подобныхъ разобранныхъ выше *насмѣјаше*, *на фишку* и т. д., въ такихъ мѣстахъ стиха, гдѣ ритмическое удареніе должно падать не на разговорно ударяемый слогъ, а на предшествующій и на послѣдующій, однако именно въ такихъ словахъ, въ которыхъ за разговорно ударяемымъ слогомъ слѣдуетъ не менѣе двухъ слоговъ. Но въ народныхъ пѣсняхъ до сихъ поръ

30) Въ выпискахъ изъ старинныхъ сербохорватскихъ стихотвореній я размѣщаю ударенія согласно съ общепринятымъ штокавскимъ выговоромъ, на сколько онъ мнѣ измѣстенъ, хотя несомнѣнно, что ударенія этихъ памятниковъ, различныхъ по времени и мѣсту, были иными. О древнѣйшемъ дубровницкомъ удареніи можно сказать наѣбрное лишь то, что оно было не таково, какое отмѣчено Решетаромъ въ нынѣшнемъ Дубровникѣ. Едва-ли можно сомнѣваться и въ томъ, что оно было штокавское, по крайней мѣрѣ, относительно комичнаго слога, почему напр. *туга* риѳумется съ *дрѹга* и съ *дрѹга*, *вѣла*—съ *сїла* и т. п. Изъ такихъ риѳмъ, какъ *млѣ—мное*, *ѡмѣ—прѣмѣ*, *ѡдри—стѣори*, по видимому, слѣдуетъ, что Дубровчансши въ штокавскомъ удареніи дальше тѣхъ Штокавцевъ, которые сохраниютъ древнѣе удареніе на конечной долготѣ, напр. *водѣ*, *водомъ* (при *вода*, *води*, *водама*), и дальше Кайкавцевъ, съ которыми у Дубровчанъ есть какъ-будто иѣкоторая связь, между прочимъ въ томъ, что старое удареніе на серединѣ слова звучало у нихъ, кажется, слабѣе и пѣвучѣе, нежели у Чакавцевъ — не *водица*, а *водица* (ср. Vatroslav Rožić, Kajkavački dijalekat и Prigorju—Rad XXXVIII, XXXIX и XL) или, точнѣе, *водица*, какъ въ черногорскомъ говорѣ, изслѣдованиемъ А. А. Шахматовымъ (см. его указанную выше статью). Впрочемъ, кто хотѣтъ касается этого вопроса, тогдъ

incedit per ignes
Suppositos ciaeri doloso.

Лѣпо пѣвѣ славујак
У зѣленој шумици

или тѣмъ-же размѣромъ

Сокѣ лѣти висѣко
Крѣла нѣсї ширѣко,

и т. п., какъ въ XVI в.:

Под нѣбом лјепшѣ птицѣ нї,
Нѣго ли сокѣ сивопер.
Да би м' се њиме стврити,
Лѣтнуо си бих висѣко,
Висѣко сокѣ под облак,
А паднуо бих³¹⁾ низѣко,
Низѣко сокѣ на драх.
А под драхом вила спї.
Али је вила али нї,
Али је кђа љна звиер,
Боже, лиепо т' је створење,
Лјепше него ли љетнї дан.

Пѣсня эта выписана здѣсь цѣликомъ не только какъ образчикъ народнаго или, во всякомъ случаѣ, полународнаго и при томъ стараго стихосложенія, но и какъ примѣръ рѣдкихъ въ то время четырехстопныхъ ямбовъ, сближающій старинное хорватское пѣсенное творчество со словѣнскимъ, гдѣ этотъ размѣръ особенно употребителенъ въ пѣсняхъ повѣствовательныхъ, какова обнародованная Валентиномъ Водникомъ Pegam ino Lambergar:

Molî tam k vîšku Dúnaj bél,
Na Dúnaji kâj Pegam jèl,
Vam bôm junáško pêsen pèl

и т. д. — пѣсня не новая, однако уже съ риѳмой, вездѣ на три стиха, совсѣмъ какъ въ Прешерновомъ Judovsko deklë; такъ-же сложена сохранившаяся Водникомъ пѣсня Nevésta kralja Matijáža, но съ риѳмой на два стиха, и многія лирическія, съ риѳмой или на два стиха или въ четырех-

31) Записано padnuo si bib.

строчныхъ строфахъ съ вольностями, звучащими по-нѣмецки, напр. у Штрекля 2070 (но ср. и 2071—2076):

Nicoj je pač éna luštna nôč,
Ker mêsèc svéti célo nôč

и т. д. Но что четырехстопные ямбы явились у южныхъ Славянъ не отъ Нѣмцевъ, видно напр. изъ стихотворенія «На лову» Георгія (Ђоре) Држича, дубровницкаго поэта XV в.:

Лðвац лðвëћи, дïклице,
С крагујцем дробне птичице,
Бјёше т' ми гòрко суначче
Тер јсках хладнë вðдицë

и т. д. совершенно въ духѣ народной пѣсни. Ср. великорусскую пѣсню:

На ўлицѣ	то дождь, то снегъ,
То дождь, то снегъ, то вълица,	то вълица,
То вълица,	то метелица

и пр. съ тѣми колебаніями въ числѣ слоговъ, которыя ясно показываютъ, что этотъ размѣръ тождественъ съ разображенными выше общерусскимъ эпико-лирическимъ стихомъ. Впрочемъ тотъ-же размѣръ есть и у позднѣйшихъ Грековъ, напр. въ колыбельной пѣснѣ Passow, Popularia carmina Graeciae recentioris CCLXXXI:

Νανά, νανά τὸ γιοῦδι μου
Καὶ τὸ παλλυκαροῦδι μου

и т. д., см. также Legrand, Recueil de chansons populaires grecques № 23 (визант.), 73 (1826 г.), 79, 99, 120.

Вторая особенность сербо-хорватскаго стихосложенія состоить, какъ мы видѣли, въ подавляющемъ дѣйствіи односложнаго слова на слѣдующее за нимъ удареніе, почему напр. въ пѣснѣ у Кухача 48 (вторая строфа):

Ак на мëне нё гледаш,
У кðга се тї ўздаш,
вёл тї другог љубийш.
каð тї тако судиш?

и даже помимо напѣва въ приговоркѣ, приведенной Вукомъ въ словарѣ подъ *Ототолити*:

↑ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘	˘ ˘ ˘ ˘ ˘
Ототоли дебѣло,	као моје кoљено;
Ако ли юш и дѣбъе,	као моје и бѣдре!

Исходной точкой этого явленія могли быть предлоги передъ словами съ исконнымъ исходящимъ ударениемъ и передъ энклитиками, какъ *на воду*, союзы передъ односложными-же служебными словами, какъ *и сад*, *а кад*, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ отрицаніе. Могли вліять предлоги и отрицанія даже въ сложеніяхъ, именно такихъ, гдѣ вторая часть имѣеть значеніе сама по себѣ, какъ исконныя *подѣзно*, *нѣоријеме*, и штокавскія, какъ *попут*, *нѣвјера*. Въ штокавиціи нѣкоторое усиленіе односложнаго слова на счетъ силы послѣдующаго, особенно односложнаго-же или даже двусложнаго, тѣмъ естественнѣе, что оно совпадаетъ съ общимъ строемъ штокавской рѣчи, трохакческо-дактилическимъ. То-же и у Поляковъ съ ихъ ударениемъ на предпослѣднемъ слогѣ, но, конечно, только въ примѣненіи къ двумъ односложнымъ, напр. у Семенскаго въ переводѣ «Забоя» изъ пресловутой Краledворской рукописи:

Jaki zwyczaj w obcej stronie Taki zwyczaj dziecku, żonie	Od mroku do świtu, Narzucił i tu
---	-------------------------------------

и въ переводѣ «Збыгона» оттуда-же:

«Goląbka-ż to czyja?». Więziona, jak i ja,	«Od zdrajcy Zbigona na zamku więziona».
---	--

Такъ иногда и по-чешски, напр. въ сонетѣ строгаго къ стихосложенію Ярослава Врхлицкаго (Portréty básníkův, XXII. Parini):

Chceš, jak ōn, pravdu, právo, volnost všech.
--

Но такъ какъ чешскій языкъ отодвинулъ ударение не на предпослѣдній, а на первый слогъ съ нѣкоторымъ усиленіемъ послѣдующихъ слоговъ черезъ одинъ, напоръ на односложное слово возможенъ въ немъ и въ ущербъ ударенію слова болѣе длиннаго, какъ въ томъ-же сонетѣ выше:

Děl jiný druh tvýj, pln svatého hněvu,
--

что можно было бы приписать долготѣ слога -té-, если-бы Врхлицкій не исключилъ изъ своихъ стиховъ, кроме первой стопы, долготу въ качествѣ

составной части ритма безъ какихъ-либо привходящихъ условий. Гораздо рѣшительнѣе въ народныхъ пѣсняхъ, напр.

Včera mně skázala jeho panímáma,

а такой-же переносъ ударенія въ томъ случаѣ, какой представляется въ стихѣ, непосредственно слѣдующемъ за только-что выписаннымъ,

Bych si ne myslila na jejího syna,

обыченъ и въ разговорѣ. Англичане, какъ и всѣ Германцы, въ своихъ, не заимствованныхъ, словахъ ударяютъ первый слогъ; такъ, разумѣется, и въ словахъ сложныхъ, вторая часть которыхъ должна довольствоваться у нихъ второстепеннымъ удареніемъ. Но если первая часть сложенія состоять изъ одного слога, вторая легко становится безударной и потому въ концѣ ямбического или трохаческаго стиха — даже ямбической, напр. у Шекспира въ «Венедіанскомъ купцѣ» I, 1 :

And laugh, like parrots, at a bag - piper,

II, 4 :

We have not spoke us yet of torch - bearers

и такъ то-же слово еще два раза въ той-же сценѣ и одинъ разъ въ II, 6; тамъ-же V, 1 :

I'll have the doctor for my bed-fellow

и такъ-же ниже. Близко къ сложному тамъ-же IV, 1 :

And if your wife be not a mad woman,

и отсюда дальнѣйшая ступень въ старинной балладѣ³¹⁾, которую поетъ Офелия (Гамлетъ IV, 5) :

He is dead and gone, lady,

какъ этотъ стихъ измѣряется въ напѣвѣ (см. В. Шекспиръ. Трагедія о Гамлете, принцѣ датскомъ. Переводъ К. Р. III, стр. 206). И такое обращеніе съ двусложными послѣ односложныхъ въ концѣ стиха встрѣчается очень часто, даже въ искусственныхъ стихотвореніяхъ, но написанныхъ болѣе или менѣе по-народному, напр. у Шотландца Вилльяма Миллера:

31) Ср. первый стихъ съ Percy II стр. 78, ст. 5.

O, dinna look sae kind, Willie,
Or else wi' joy I'll dee,
An' dinna read my heart, Willie,
Wi' thae lang lucks o' your ee.

Еще чаще предлоги уничтожаютъ ударение мѣстоименій, хоть и не обязательно, и въ слѣдующемъ стихѣ изъ «Венецианскаго купца» (IV, 1) мы видимъ и то и другое:

For giving it to me. Well, peace be with you,

за то въ другомъ оттуда-же (V, 1)—полное подавленіе второго односложнаго (it):

I'll die for 't, but some woman had the ring.

То-же попадается и у Нѣмцевъ, напр. въ Wehmuth Гёте:

Als ich, Engel, an dir hing,

и у Скандинавовъ, напр. въ Stellurímur³²⁾ Исландца Сигурда Петурссона:

Ef mig styrkja eitt-hvað fer,
Á þig skal eg trúá.

Въ тѣснѣйшей связи съ общимъ ритмомъ языка состоять и дѣйствіе дактическаго или кретического сочетанія словъ (качественно, иногда количественно, т. е. Á, Á Á или Á Á Á) на послѣдующее слово въ концѣ стиха, какъ въ народной пѣснѣ (по разговорному съ Á впереди):

Á Á Á Á Á Á Á Á Á Á Á Á Á Á
А и пѣту и брѣшим - тканицу.

То-же и въ чешскихъ стихахъ, по крайней мѣрѣ, народныхъ, откуда и у Челаковскаго въ Ohlas písni českých XXII:

Á Á Á Á Á Á Á Á Á Á Á Á Á Á Á Á
Holubička s dubu Letěla k holubu,

и такъ-же въ старинныхъ искусственныхъ стихахъ, напр. въ пѣснѣ XIII в., открытой Патерою (см. Časopis Musea kral. českého 1878 seš. 2):

<u> Á Á Á Á Á Á Á Á</u>	<u> Á Á Á Á Á Á Á Á</u>
(Z)lovo dozveta ztwarene	vbastui zhowan
ief pro euino zreffenie	nazuet pozlano

32) Знакъ ударенія показываетъ въ исландскомъ письмѣ то-же, что въ чешскомъ и маджарскомъ, — долготу.

и пр. У Лужичанъ подъ вліяніемъ ритма подчиняется двусложное слово въ концѣ стиха предшествующему двусложному же (ср. серб. *мимо гору*), напр.

↑ | | | |
Seduj mi, bratsiko, konika,
↑ | | | |
Seduj mi, přeco wobej' dweju

и въ той-же пѣснѣ (*Mi je so džens zejdžalo*):

↑ | | | |
Wone je džensa mi rune lěto,
↑ | | | |
Zo smy ju na keřchow dowjezli,

также трохаческому сочетанию двухъ односложныхъ, которое впрочемъ поется не такъ въ другой пѣснѣ съ инымъ распределениемъ тактовыхъ величинъ:

↓ | | | |
Syrotka hobešla tři raz kjarchob —

не безъ насилия надъ естественнымъ ритмомъ, чтò особенно сказывается дальше:

↓ | | | |
Stawaſo wy górej, mója maſi

и т. п.

Въ великорусскихъ народныхъ пѣсняхъ послѣднее въ полустишии или стихѣ двусложное трохаческое слово теряетъ свое удареніе послѣ другого ударенія, напр.

↓ | | | |
Óń ſtaſt kidaļ ſperya po čiſtuþ polju.

Въ искусственныхъ, но неискусно построенныхъ стихахъ безъ обязательного съченія попадается то-же, напр. у Державина въ стихотвореніи «Стрѣлокъ»:

↑ | | |
Aхъ, берéчъ бы́lo монéту
Бéлую на чéрный дéнь

или въ малорусской Энейдѣ Котляревскаго (п. II):

Kolí-b, каже, твой здорóва
Bulá, Непtúne, головá.

Впрочемъ и у Англичанъ на трохаческое слово дѣйствуетъ обыкновенно односложное только потому, что чисто-англійскихъ словъ съ удареніемъ на концѣ довольно мало, но вотъ примѣръ изъ шотландской пѣсни

съ кельтскимъ словомъ (у Вальтеръ-Скотта въ предисловіи къ роману Rob Roy):

I am as bold, I am as bold,
 I am as bold and more, lady;
 Any man that doubts my word,
 May try my gude claymore^{ss)}, lady.

Въ ново-греческихъ старинныхъ и народныхъ стихахъ трохайческое слово передъ съченiemъ становится безударнымъ подъ вліяніемъ предшествующаго ямбического или односложного, на которое въ такомъ случаѣ кладется сильное удареніе, хотя-бы это слово и не имѣло его въ обыкновенной рѣчи, напр. Passow CLXI ст. 4:

Kai ὁ Μῆτρος μάνα δέν ἔχει νὰ τὸν κοιμάυταρίσῃ.

То-же и внутри полустиший; но тамъ допускаются всякия вольности. Какъ бы то ни было, удареніе въ родѣ δέν ἔχει или, въ болѣе раннюю пору, σύδέν ἔχει, а еще раньше — съх ἔχει основано не на одномъ ритмѣ, а также на отвлечениіи отъ такихъ случаевъ, какъ LX ст. 26:

Гифтάκι μ², τι κακό ἔχαμες καὶ σ' ἔχουνε κομιένο;;

гдѣ ударяемая гласная слова ἔχαμες поглощена ударяемою конечною гласною предшествующаго слова, а этотъ остатокъ въ самостоятельномъ видѣ получить удареніе, конечно, на первомъ слогѣ — хáмѣс, какъ хáме, хáмнѡ, νὰ хáмѡ, θέλω хáмѣс. Отсюда, если хотя-бы только призрачное κακό хáмѣс можетъ превратиться въ κακό хáмѣс, то и вмѣсто δέν ἔχει можно сказать δέν ἔχει. Поддерживалось такое представление безсознательнымъ воспоминаніемъ съ одной стороны о древнихъ энклитикахъ, какъ σύδέν ἔστι, а съ другой — унаследованными изъ древности сліяніями, подобными соединенію словъ ποῦ ἔχαμες въ ποῦκαμες (ср. мои «Замѣтки къ тексту поэмы объ Аполлоніи Тирскомъ по изданію Вагнера» въ одесской «Лѣтописи Историко-филологического Общества» вып. II къ стихамъ 639—641, «Критическая замѣчанія къ Συναξάριον τοῦ τιμηένου γαδάροι по тексту Вагнера» въ «Византійскомъ Временнику» 1896, № 3 и 4 къ стихамъ 389—393, «О русскомъ народномъ стихосложеніи» въ «Ізвѣстіяхъ Отдѣленія р. яз. и сл.

ss) Шотландскій палашъ — изъ clay (др.-ир. claidib=лат. gladius, др.-сканд. bjalt) мечъ и шѣгъ (др.-ир. mág) большой — въ отличіе отъ короткаго римскаго меча. Ср. кабард. са' шхуа, дословно «ножъ длинный» = шашка.

Импер. Академії Наукъ» II, стр. 434—456, гдѣ это явленіе прослѣжено также въ языкахъ англійскомъ и — особенно — великорусскомъ). Нѣкоторое, по крайней мѣрѣ, подобіе грамматического основанія для ритмического подчиненія послѣдующаго слова предшествующему мы видѣли и у Англичанъ. Есть такое основаніе, и при томъ общее, также у Русскихъ и у Сербовъ — въ сохраненной ими праславянской наклонности къ отдачѣ исходящаго ударенія предшествующему слогу: *блы́ руки*, *ръзъ́ ноги*, какъ *доба́р ве́ч(р)*, *добро́ јутро* (или даже — *итро*) при соединеніи двухъ словъ не менѣе тѣсномъ, чѣмъ *на воду*, *на воду*. Правда, что сербскій языкъ почти не знаетъ такой энклізы помимо соединеній съ предлогами, но такъ какъ такие примѣры, подобные малорусскому *добрый день* (вместо **добрѣ́ дѣнь*), польскому *dobrano*, восходятъ къ общеславянскому языку, а число энклітическихъ сочетаній во всѣхъ языкахъ убавляется, слѣдуетъ предполагать, что нѣкогда Сербы обладали значительно большимъ числомъ энклітикъ. У Штокавцевъ-же явились новыя соединенія этого рода, отличающіяся отъ древнихъ только качествомъ ударенія, какъ *једа́н путь* или *једа́(н) рѣд*, *двѣ путь*, *по ноги*, *онома́дне* (изъ **ономъ дыне*), *двадесет* или *двадест* и др., которая впрочемъ отчасти лишь заняли мѣсто подобныхъ имъ старыхъ: ср. русскія *двѣ раза*, *помночь*, *намѣдни*, *двадцать*. Такимъ путемъ въ сербо-хорватскомъ языкѣ развилась привычка къ энклізѣ, которая въ стихосложеніи отразилась ритмическимъ подчиненіемъ послѣдующихъ словъ предъидущимъ односложнымъ или трехсложнымъ словамъ или сочетаніямъ словъ. Согласно съ только-что высказанными соображеніями можно ожидать, что лѣтъ за 400 тому назадъ эта привычка сказывалась еще сильнѣе; и въ самомъ дѣлѣ у старыхъ дубровницкихъ стихотворцевъ есть и энкліза односложныхъ словъ послѣ двусложныхъ или трехсложныхъ, которая изрѣдка попадается въ народныхъ пѣсняхъ до нашего времени, напр. у Кухача 981:

Гдѣ те будѣ, дѣвче, юбил, Гдѣ Ѯ, лула, твој га́зда бйт,	кад ја будём Францбозе бил? кад ја будём мбрал ўмрїт?
--	--

Любопытны здѣсь и односложные созвучія при ритмическомъ удареніи на предшествующемъ слогѣ, какъ у тѣхъ-же Дубровчанъ, напр. въ «Дервишѣ» Степана Дѣрдича (Стијепо Ђорђић), написанномъ тѣмъ-же размѣромъ:

34) Ударения разставлены по Вуку и Даничичу; но безъ непосредственного знакомства съ говоромъ, на которомъ сложена эта пѣсня, ручаться трудно за вѣрность такой разметки. Впрочемъ эта оговорка едва-ли нужна относительно конечныхъ словъ полустиший.

Já sam Dédo àšik dèrvíš,
 Ký ti ïzraěl pàdám prýd dvör;
 Izíd', çánum, da me výdiš,
 I da čújésh mój råzgovôr —
 Je li sládak, à što vèliš? —
 Já sam Dédo strávjeñ dèrvíš!

Рио́мы ъ́убил — би́л, дёре́йш — ви́дийш и т. п. даются непосредственно только при такомъ растяжениі предпослѣдняго слога, которымъ на слѣдую-
 щемъ слогѣ вызывалось-бы ритмическое удареніе, т. е. напр. ъ́убил —
 Франциозе бил, и напѣвы четырехъ пѣсень въ Гекторовичевой драмѣ «Св.
 Ловринац», сложенной этимъ размѣромъ (ст. 147—168, 773—780, 799—
 809 и 1203—1214), построены именно такъ, но въ приведенной народной
 пѣснѣ такого растяженія нѣтъ. Слѣдовательно такія рио́мы болѣе или менѣе
 условны; а такъ какъ все условное въ жизни имѣло нѣкогда свое основа-
 ніе, мы въ правѣ искать какого-нибудь основанія и для такихъ неесте-
 ственныхъ созвучій. Находится оно, вѣроятно, въ любимомъ Дубровчанами
 двѣнадцатисложномъ стихѣ, дванаестѣрац или, какъ его называетъ Субо-
 тичъ, краљичкѣ вѣнїй, который соотвѣтствуетъ польскому краковяку:

или по-польски:

или по-польски:

или по-польски:

или по-польски:

Syna na provázku,
 Aby nechodíval

na, hedbávné šňúrce,
 k chudobné panence

или въ словацкой пѣснѣ:

Já som se nazdala,
 A to sa milému

že sa pole mračí,
 začerneli oči,

откуда и въ другомъ размѣрѣ, въ томъ-же осьмисложномъ, который мы
 только-что видѣли въ хорватской пѣснѣ и въ первой строфѣ «Дервиша»:

Donesla mu tvrdý kamej: «Ostávaj tu s Panem Bohem!»

То-же въ такомъ-же стихѣ у Мадяръ, которые обходятся съ концемъ
 стиха совсѣмъ по-сербски, напр. въ пѣснѣ:

Á kit az én szívem szeret,
Nem ir az nekem levelet;
De a szive, tudom, szeret,
Mert az régen az enyém lett,

при чём слѣдуетъ помнить, что разговорное удареніе падаетъ по-мадярски всегда на первый слогъ. У Дубровчанъ односложная риѳма вмѣсто двусложной встрѣчается особенно часто, именно въ двѣнадцатисложномъ стихѣ, напр. у Шишка Менчетича (1457—1507):

Блаженъ чѣс и хѣп,	нѣјпрво кад сам јѣ
Вѣдилъ твѣй образъ лѣп,	од кѣга слава сїа,
Блажена сва мѣста,	када те гди вѣдих,
Днѣ, нѣни, гдѣшта,	кѡја те јѣ слїдих.
5 Блаженъ чѣс и вриме,	нѣјпрво када чух
Лѣпости твѣй име,	кѡјој дах вѣс послух.
Блажене бѣзни,	кѣ патих нѣи и дѣн
Цѣни твоёе Ѣубѣзни,	за кѡју губѣах сан.
Блажени јад и вай,	кѣ створих досадѣ,
10 Жѣлѣни образъ тай	свѣ мѣре днѣй младѣ.
Блажено вѣпѣье,	кад име твѣ зових,
И грекъ тропиѣе,	у жѣлах кад плових.
Блаженъ тракъ од Ѣзѣ	ъувенѣ, у кѡјој
Створих плач и сѹзе,	жѣлѣни да сам твѣ.
15 Блажена Ѣепос твѣ,	блажена твѣ младос,
Покли се мени сва	дѣровѣ за радос.

Здѣсь мы видимъ уже знакомую эклизу односложнаго не только послѣ другого односложнаго, какъ и хѣп или можетъ быть, ѕ хѣп и т. п., но и послѣ двусложнаго, какъ образъ лѣп и даже слава сїа. Слѣдуетъ однако замѣтить, что полустишие сербскаго двѣнадцатисложнаго стиха обыкновенно дѣлится концами словъ на двѣ части такъ: — | —, т. е. на дактиль или кретикъ и на амфибрахій, а ритмическое дѣйствіе двухъ первыхъ изъ этихъ стопъ на послѣдующую памъ уже извѣстно. Такое дѣленіе ритмического ряда — | — именно въ этомъ стихѣ достойно тѣмъ большаго вниманія, что въ другихъ соединеніяхъ, напр. съ осьмисложнымъ стихомъ впереди, этотъ рядъ дѣлится произвольно, а въ хороводныхъ пѣсняхъ (песни од кола) Динка Ранины третій слогъ даже рѣдко отдѣляется, напр. 335:

Ах, дјёвјко, душо мја,
Кад загборјем грedu с тобом
Тере врѓу на те ѿко
Ствар, кoјa ми срце жеже

кa ми с' смрцу | даља,
стадо мје | пасе,
и ти гледаш | на ме,
огњеном | жельбоме

и т. д. приблизительно съ тѣмъ-же отношенiemъ между мужескимъ и женскимъ дѣленіями. То-же и во второй части десятисложного стиха. Исключenія найдутся и въ двѣнадцатисложномъ, особенно при обилии риѳомъ, которымъ сильно затрудняли себѣ свою задачу напр. Маруличъ («Дјевици Марија»), Луцичъ³⁶⁾ и Бараковичъ, однако они рѣдки даже въ сложенныхъ этомъ размѣромъ сонетахъ Георгія Држича и Динка Ранины, а Менчетичъ и совсѣмъ воздержался отъ такихъ уклоненій въ своей «Пјесни о Исусу», не смотря на четверную риѳому. Чѣдо окончаній на двусложное слово съ односложнымъ, то въ этихъ случаяхъ съченіе послѣ третьаго слога обусловлено самимъ числомъ словъ. Риѳома въ двѣнадцатисложномъ стихѣ охватываетъ по большей части два слога, но при односложномъ словѣ въ концѣ двухъ стиховъ или полустишій или хоть одного изъ двухъ она можетъ ограничиться однимъ послѣднимъ слогомъ, какъ въ ст. 1—2 (такъ-же 7—8, 9—10, 15—16) и 5—6 (такъ-же 13—14). Созвучіе только послѣднихъ словъ помимо односложныхъ словъ попадается гораздо рѣже, напр. въ стихотвореніи Ранины «У злорека завидника» (368) ст. 7—8:

Прѣличан ти јеси
Ка вѣдѣн синове

у свѣму к звѣри онѣ,
прѣтиле толикој

и съ той-же риѳомой тамъ-же въ ст. 55—56:

Ка ками нї ками,
Нѣ рађа с језиком

ка ли се звѣр онѣ
пѣтребнѣм толико?

Но за то ст. 19—20 двусложная риѳома даже при односложномъ:

Тко хоће туђу ствар,
Разложно хулити,

ку памѣт подаје,
прие тога триба је

и пр. Ср. И. В. Ягичъ, «Размѣръ (двѣнадцатислоговой) древнѣйшихъ стихотвореній поэтовъ славянскихъ (сербо-хорватскихъ) въ Далмациі» въ «Извѣстіяхъ Отдѣленія р. яз. и слов. Импер. Академіи Наукъ» т. I, стр.

36) Впрочемъ и безъ того грѣшившій въ этомъ отношеніи, какъ и Гекторовичъ, что можетъ быть и не случайностью, такъ какъ оба они родомъ съ острова Хвара, т. е. чакавцы.

439—466. Но вообще женское окончание на двусложное или трехсложное слово съ односложнымъ встречается почти только въ этомъ размѣрѣ и при томъ чуть-ли не исключительно въ дубровницкой письменности, да еще кое въ какихъ далматинскихъ и хорватскихъ пѣсняхъ, отчасти продолжающихъ старыя дубровницкія преданія, а впрочемъ старинная народная, по видимому, не знаютъ этой вольности. Но въ самомъ обычномъ и вмѣстѣ самомъ свободномъ стихѣ позднейшей сербской народной поэзіи, десятисложномъ, она иногда попадается, напр. въ пѣснѣ о Бановичѣ Страхинѣ:

Кажи, зѣте,

штѣ је и како је,

совсѣмъ какъ у Ветранича въ двѣнадцатисложномъ стихѣ:

Тѣр не вијем зачёти,	подобно како је,
Пјесанцу почёти	безъ помоћи твђе.

Вѣрнимъ кажется, по крайней мѣрѣ то, что такихъ концовъ пѣть въ тѣхъ образчикахъ народнаго пѣснопѣнія, которые такъ или иначе сохранены дубровницкими стихотворцами. Между этими примѣрами особое вниманіе заслуживаютъ такъ называемыя «бугаршице» (вѣроятно, отъ *Бугарин* = Болгаринъ, но въ смыслѣ пастуха, иначе — «влѣх», чѣд по-албански *бугар*). Онѣ дошли до насъ, по видимому, безъ передѣлокъ, между прочимъ — и безъ риѳмы, безъ которой не обходятся Дубровчане. Ко второй и третьей изъ тѣхъ бугаршицъ, которая Гекторовичъ вставилъ въ свою идилію «Рибалье» (ст. 523—592, 595—685 и 698—718), сохранились ноты, важныя не только въ музыкальномъ отношеніи, но и для установки тогдашнаго ударенія и даже количественности, такъ какъ исполненіе бугаршицы можно назвать, очевидно, не столько пѣніемъ, сколько пѣвучимъ произноженіемъ стиховъ, которые къ тому-же не одинаковы по длине и по строю и соединены въ строфы, также не равныя между собою. Вотъ начало второй бугаршицы по ритму напѣва (съ $= \frac{1}{4}$ подлинника въ видахъ упрощенія ритмическихъ знаковъ, для чего и вмѣсто $\frac{3}{8} + \frac{1}{8}$ вездѣ отмѣчено \sim):

Када ми се Радосаве
Од својега града
Често ми се Радосав
Тѣре тб ми овако

војевода одињаше
дѣвнѣга, дѣвнѣга Сиверина,
на Сиверин ћазираше
бијелу граду бѣсидјаше.

Начало третьей:

И кличё дёвёйка,
још кличё дёвёйка
Млада тёре гиздава,

покличё дёвёйка,
млада ми тёре гиздава,
са бриг, бела дёвёйка, Дунаја.

Изъ удареній можетъ показаться чакавскимъ развѣ только *одиљаше* и *овакѣ*, которыя болѣе согласовались-бы съ размѣромъ при удареніи *одиљаше* и *овакѣ*; но ни то, ни другое не доказательно вслѣдствіе уже упомянутой ритмической неустойчивости восходящаго ударенія. За то въ пользу штокавскаго ударенія въ обоихъ образчикахъ свидѣтельствуютъ *када*, *обзи-
раше*, *бесидјаше*, *девојка* или *девојка* (при которомъ *девојка* и *девојка* теряютъ свое значеніе), *млада* или *млада*, *белы*, *Дунаја* и также, съ замѣной разговорнаго ударенія долготою, *Сиверина*, *Сиверин* и *Радосав*, такъ какъ, по свидѣтельству Р. И. Кошутича, вопреки Вуку, дающему въ словарѣ *Радосав* (вѣроятно изъ звательного *Радосаве*), это имя произносится обыкновенно *Радосав*. Протяженіе разговорно-ударяемаго, но ритмически безударнаго слога въ пѣніи напоминаетъ повышеніе такого слога въ великорусскихъ пѣсняхъ, напр.:

Разовьёмъ мы берёзу,

Разовьёмъ мы кудряву,

гдѣ слоги *-рѣ-* и *-дрѣ-* поются на четыре степени выше предшествующихъ и на двѣ выше послѣдующихъ.

Если эти замѣтки о сербскомъ стихосложеніи мы дополнимъ двумя предположеніями, во всякомъ случаѣ не совсѣмъ лишенными основанія, а именно — что дубровницкіе стихотворцы подобно тому, какъ они употребляли *лијеп* (*лиен*) и *лип*, *грѣду* и *грѣдѣм*, *што* и *ча* и т. п., могли прибѣгать иногда и прямо къ чакавскому ударенію, и что самая ихъ штокавщина известна намъ не вполнѣ, то едва-ли согласимся безусловно съ увѣреніемъ Решетара, что у этихъ стихотворцевъ «удареніе точно такъ-же свободно и въ риемъ и виѣ ея, какъ у нашихъ нынѣшнихъ поэтовъ» («Антологија дубровачке лирике стр. XXVII примѣч.»): ни въ старыхъ, ни въ новыхъ сербскихъ и хорватскихъ стихахъ дѣло не ограничивается однимъ счетомъ слововъ, а во всякомъ стихѣ, народномъ-ли или искусственномъ, какъ-бы онъ ни былъ неровенъ или шероховать (храпав, какъ говорятъ Сербы), по большей части есть хоть намеки на лежащий въ его основѣ ритмъ, которые состоятъ именно въ пользованіи выше изложеннымъ правилами,

и хороший чтецъ не только замѣчаетъ эти указанія на разумѣемый строй стиха — при чемъ дѣло облегчается простотою ритма, — но и находитъ возможнымъ осуществлять ихъ, по крайней мѣрѣ, до такой степени, что слушатель, хотя и замѣчаетъ то тамъ, то сямъ погрѣшности противъ плавности ритмического движенія, все-таки получаетъ въ общемъ впечатлѣніе чего-то благозвучно-стройнаго. Несомнѣнно, что этому впечатлѣнію сильно содѣйствуетъ, какъ и въ итальянскихъ стихахъ, благозвучіе самаго языка. Но сербскій стихъ течетъ и развертывается отлично отъ итальянскаго: второй открываетъ свободой своего построенія полный просторъ выразительному разнообразному чтенію, которое заставило-бы забыть, что слышши размѣренную, а не вольно льющуюся рѣчь, если-бы сила послѣдняго ударенія не указывала границъ стиховъ и тѣмъ не пріучала-бы слухъ къ воспріятію взаимнаго равенства этихъ отдѣловъ, а первый, нѣсколько стѣсняющій чтеца требованіемъ большей равномѣрности во времени, то въ началѣ, то въ серединѣ, то ближе къ концу даетъ чувствовать основной ритмъ и, по мѣрѣ дальнѣйшаго своего хода все чаще и чаще исправляя свои прежнія неровности, мало по малу какъ-бы гипнотизируетъ слушателя и внушаетъ ему безсознательную вѣру въ полную, хоть и своеобразную, ритмичность этихъ строчекъ, изъ которыхъ лишь немногія даютъ ритмъ во всей его чистотѣ, но каждая стремится къ нему по-своему, пользуясь обильными ритмическими средствами сербскаго языка. Въ сербскомъ стихосложеніи, какъ чуть-ли не во всякомъ иномъ, есть кое-что такое, что держится больше преданіемъ, чѣмъ дѣйствительными свойствами языка; но это преданіе самобытно. Произведенія старыхъ Дубровчанъ кишать всяческой итальянской, но лишь въ языкѣ, да и то кромѣ словаря, а стихосложеніе ихъ несомнѣнно перенесено изъ народной пѣсни, можетъ быть, за исключеніемъ риѳмы. Въ этомъ отношеніи Дубровчане болѣе обывитальянились во времена позднѣйшія, когда стали распѣвать пѣсенки въ родѣ

С Бѣгом, нѣхарна душо!
Треба се вѣн дѣлити.
Ах, што ю учнити,
Када ме тѣ мрзиш?

дословно съ итальянскаго:

Anima ingrata, addio!
Lasciarti ormai conviene.
Oimè, chè far degg' io,
Se sono in odio a te?

и т. д.—то и другое по напѣву ——— (трижды) — ———. Но, какъ-бы сербо-хорватское стихосложеніе ни отличалось отъ итальянского своею ритмичностью и потому близостью къ стопному, оно все-таки должно быть признано слоговымъ не только по своей свободѣ относительно удареній, но и на томъ основаніи, что ритмическимъ образцемъ ему служать стопы двусложныя, изъ которыхъ ни одинъ слогъ не можетъ быть выпущенъ внутри стиха.

Очень близко къ сербскому стихосложенію стоитъ чешское народное; близость эта такова, что его особенности изложены выше въ связи съ особенностями сербского стихотворного строя. И здѣсь сильно сказывается ритмъ языка, у Чеховъ еще рѣшительнѣе двухдольный, чѣмъ у Сербовъ: какъ въ разговорѣ dorozumѣti, ne-pamatovala и dorozumѣti se, такъ въ стихахъ s p lnoci byla, by pamatovala, pomoci hledati и nech sv t  komu chce. Въ послѣднемъ примѣрѣ уже значительно помогаетъ долгота естественная и по положенію. Для того, чтобы показать, какъ сильно долгота обоихъ родовъ притягиваетъ къ себѣ ритмическое ударение въ чешскихъ стихахъ (но лишь въ двухдольныхъ), довольно привести вторую строфу изъ правильно-ямбического стихотворенія Челаковскаго Spole n  p se , при чѣмъ гласныя, ударяемыя ритмически только вслѣдствіе долготы, какъ и производящія ее согласныя, отмѣчены курсивомъ:

Kdo p  dk  z p sy hrdinsk 
Zp vem potomk m zv stuje 
A, v sady nehled  cizinsk ,
Dom ci kr sy p stuje ,
Radost a  zel a sladkou t se 
Kdo zn   vyl ti v  eskou p se ,
Tys bratr n  , tys bratr n  ,
Prav  ty poklad v du i m  .

Трехсложные стопы, именно съ ударениемъ на первомъ слогѣ, очень обыкновенны въ пѣсняхъ, напр.

Ach, nen , tu nen , so by mne t  ilo,

но исполняются такъ только въ пѣніи, а безъ знанія напѣва легко принять такой стихъ за извѣстный ——— ———.

Одно изъ замѣтныхъ, но вѣнчанихъ отличій чешского стиха отъ сербскаго есть и въ народныхъ пѣсняхъ риома, хоть часто и сомнительная. Эта черта, не древняя и не славянская, ясно показываетъ, что чешская пѣсня

ближе къ западной, нежели сербская. Риэма часто мужеская. Разговорные ударения главныя и побочныя въ риэмѣ не различаются, напр. у Челаковскаго въ трохеяхъ (Růže stolistá XXV):

I to sobě vážím mnoho,
Tak žití že anděl přál,
Až i města do jednoho
Byt náš zemský uchystal.

Слоговые плавныя въ началѣ и въ концѣ словъ иногда лишаются своей длительности, напр. у него-же въ четвертомъ стихѣ количественной Алкеевской строфы (Na smělost):

Sílil a vedl hrdinnych mužův krok,

что впрочемъ странно въ виду двухъ другихъ его также количественныхъ стиховъ, переведенныхыхъ изъ Марциала, съ одной стороны — пентаметра:

Div že mi, jak jsi otcem státi se, Fauste, mohl,

и съ другой — гексаметра:

Uchránit přez léto ryby kde beze škody bys moh'?

Въ Краuledворской рукописи есть почему-то — быть можетъ, plzně-dle veršovníka — нѣсколько такихъ примѣровъ, какъ

Počechu trsti spolu vojevati (Jaroslav)

(даже внутри слова) или

By sě lsknula braň jich v zrace vráhómu
(Čestmír a Vlaslav),

но и

Srst črvaná po něj sě lskněše (тамъ-же).

36) Съ съченіемъ катѣ трітовъ трохатон; но возможно также съ тріїмѣніемъ и єфнѣмѣрѣс:

Uchránit přez léto ryby kde beze škody bys moh',

но первое лучше, потому что позволяетъ дѣлить губы de, безъ чего неѣть долготы по положенію.

Со вторымъ изъ этихъ трехъ примѣровъ (гдѣ начальное неслогоное 1 послѣ гласной) сходно у Верхлицкаго (Portréty básníkův, Shakespeare III, ст. 6):

Kde Caliban řvě, lkají elfův stíny,

но послѣ сѣченія (пезуры). Впрочемъ и помимо этихъ условій (тамъ-же L. Góthe), ст. 9 :

Kde Byron lkal a zoufal, sok všem lidem.

Бываетъ и другая крайность, напр. въ стихотворномъ возраженіи Вячеслава Стаха противъ силы разговорнаго ударенія, тона (Starý veršovec pro rozumnou kratochvíli):

Ten jest neskrotitedlný?

V slovích nesménitedlný?,

гдѣ на слогоное 1 подъ третьестепеннымъ разговорнымъ удареніемъ падаетъ ударение ритмическое. Впрочемъ здѣсь виноваты прежде всего sesquipedalia verba. Какъ-бы то ни было, ритмъ здѣсь выраженъ разговорными удареніями; но это уже искусственное стихосложеніе, въ которомъ возможны даже трехсложные стопы, напр. въ переводахъ Борецкаго изъ Прешерна, хотя такие стихи, по признанію самого переводчика, стоили ему большого труда и все-таки не вполнѣ удались вслѣдствіе двусложности чешскаго ударенія. А народное чешское стихосложение приходится признать слоговымъ почти въ томъ-же смыслѣ и по тѣмъ-же причинамъ, какъ сербо-хорватское.

Но еще болѣе слогоное, — можно сказать, даже безусловно слогоное стихосложеніе мы находимъ въ болгарскихъ народныхъ стихахъ съ определеннымъ числомъ слоговъ, напр. въ излюбленномъ у Болгаръ осьмисловомъ (Dozon 5):

Сáмси сé Гбспод подкáни
Чéркова да си заградí
Междúдвé вýти планинé
И под два тýнки облaci

и т. д. Здѣсь размѣренность рѣчи обнаруживается только ариметически, т. е., какъ выражаются о такихъ стихахъ Турки, счетомъ по пальцамъ (пармак нысаб-ы), а ритмъ слышится только въ пѣніи, такъ какъ при разговорномъ произношениі въ строчкахъ, подобныхъ приведеннымъ, нѣть ничего ритмического. Такъ-же или почти такъ-же строятъ Болгаре и тож-

дественный съ сербскимъ десятисложный стихъ и другой десятисложный, соответствующій сербскому и чешскому $\text{I}_1\text{I}_2 | \text{I}_3\text{I}_4$ (или I_1I_2 или I_1I_2 дважды), напр. у Дозона 37 (со вставкой припѣва между полустишіями):

Тўрчин ми ка́ра	(джанъм)	клета́ робінья,
Люто́ ж ка́ра	(джанъм)	по лю́та сланá,
Би́к ж би́к	(джанъм)	по бъло лице:
«Мáри хвърли си	(джанъм)	мъжко-то дѣтѣ

и т. д. съ полнымъ равнодушіемъ къ основному ритму, который появляется въ этой пѣснѣ лишь случайно, какъ ст. 13 (не считая припѣва):

Бýль за глáва, бýль за рóжба.

Немудрено, что пѣвцы часто сбиваются въ счетъ слоговъ, напр. тамъ-же 7 ст. 5—9, 21 ст. 1 и 24, 38 ст. 47, 54 ст. 7. Откуда это равнодушіе? Причина, вѣроятно, скрывается въ тѣхъ смѣшеніяхъ съ иноплеменниками, которымъ подвергались Болгаре, и въ переворотахъ, пережитыхъ вслѣдствіе этого болгарскаго языкомъ, который давно уже разбился на нѣсколько нарѣчий, отличающихся одно отъ другого между прочимъ удареніями. Стихъ 38 той-же пѣсни:

Духá ке вѣтрéц, та ке го лю́дъ

быль-бы правиленъ по двуслоговому ударенію (считая отъ конца), ст. 8:
Кáто сам ѿзé попбва снахá —

по трехслоговому, ст. 21:

Та го отнéсе на планинá-та

вѣренъ только съ такимъ, т. е. свободнымъ, удареніемъ. При этомъ положеніи дѣла не удивительно, что попадаются и такие стихи, какъ 35:

Ти нéмой гри́жа за мъжко дѣтѣ,

который не будетъ, кажется, безукоризненъ ни при одномъ изъ болгарскихъ распорядковъ ударенія. Ложно представление, будто народная пѣсня такъ-таки совсѣмъ безыскусственна: въ ней всегда есть доля условности вслѣдствіе того, что, зародившись въ одной мѣстности, она переходитъ въ другую, въ третью и такъ далѣе, откуда и слагается у народа свой пѣсенный языкъ и свое пѣсенноe стихосложеніе, которые, правда, не такъ строго установлены, какъ въ поэзіи грамотныхъ людей, но не соответствуютъ

точно особенностямъ ни одного говора. Въ полной мѣрѣ примѣняется это наблюденіе къ стихотворнымъ размѣрамъ, заимствованнымъ у другихъ народовъ, а такихъ размѣровъ у Болгаръ много, въ томъ числѣ и разобраныя выше: десятисложный съ сѣченіемъ послѣ четвертаго слога пришелъ къ нимъ отъ Сербовъ отчасти съ самыми пѣснями (какова, по видимому, 38 у Дозона); онъ-же съ сѣченіемъ послѣ пятаго — отъ Грековъ, напр. въ пѣснѣ

Като 'с тѣу хампou,	'с тѣ фумонгти
'вг҃х' ѿ соултавос	нѧ хунгургти

и пр.; осьмисложный — отъ Грековъ-же, у которыхъ онъ такъ распространѣнъ, по малой мѣрѣ, съ XIV в., что вошелъ даже въ пословицы, какъ

‘О трелѣс тѣу ζирлізмéновъ ‘тaн тa 'мáтиа тoу тoу єхе’³⁷⁾.

Стихотворные размѣры переходятъ изъ одного мѣста въ другое, конечно, не въ видѣ отвлеченныхъ образцевъ, а вмѣстѣ съ напѣвами, и вотъ именно такой готовый напѣвъ и вызываетъ на своей новой почвѣ пѣсни соответствующаго склада, но соответствующаго лишь приблизительно, хотя бы только въ числѣ слоговъ, потому что безъ послѣдняго условія нельзя и примѣнить заносный напѣвъ къ самодѣльнымъ словамъ. Такъ возникаютъ пѣсенки, подобныя известной нѣкогда Москвичамъ съ напѣвомъ, перенятымъ у Нѣмцевъ или у Чеховъ:

На ўлицѣ двѣ кўрицы
Съ пѣтухомъ дерутся.

и пр.—см. примѣч. 20. То-же дѣйствіе оказывають иногда и свои напѣвы, отличающіеся рѣзкой опредѣленностью ритма и при томъ широко распространенные, каковы нѣкоторые плясовые; и они способны породить стишкі въ родѣ

Одна нога короче,

т. е., по звукамъ въ пѣніи,

Адна нага кароче,

37) Впрочемъ можно замѣтить на всякий случай, что этотъ размѣръ измѣстенъ также Богуламъ и Остякамъ, предполагаемымъ родичамъ или предкамъ Болгаръ Камскихъ и Аспаруховыхъ, и Финнамъ, особенно Суоми.

впрочемъ съ ясными а на мѣстѣ бывшихъ ударяемыми. Но Великорусы такъ привыкли къ совпаденію ритмического ударенія съ разговорнымъ, что послѣ такихъ неправильныхъ стиховъ, каковы только-что приведенные, тутъ-же воспроизводятъ надлежащій ритмъ, какъ уже во второмъ стихѣ первого примѣра, а дальше — еще подробнѣе и точнѣе:

Изъ свѣтлѣцы двѣ дѣвѣцы
Смотрѣть да смѣяться,

во второмъ примѣрѣ слѣдуетъ если не изящный, то хоть ритмическій стихъ:

А другаѧ длиныше.

Вообще Великорусъ плохо мирится со слоговымъ строемъ въ качествѣ самой основы стихосложенія, потому что 1) онъ и до сихъ порь не утратилъ вполнѣ свой исконный пѣсенныи складъ, которымъ онъ невольно прѣверяетъ свои новыи произведенія, 2) письменные образцы его позднейшаго пѣснотворчества могутъ только поддержать въ немъ потребность въ соотвѣтствіи между обоими родами ударенія, 3) онъ никогда не испытывалъ на себѣ непосредственнаго чужого вліянія. Положеніе Болгарина совсѣмъ иное. Какъ уже было замѣчено выше, онъ еще не окончательно потерялъ свой старый пѣсенныи складъ, но между пѣснями этого склада и сложенными по новому, все умножающимися на счетъ первыхъ, лежитъ пропасть, сказывающаяся и въ приемахъ пѣнія, не говоря уже о самыхъ напѣвахъ: одни напоминаютъ не только голосомъ, но и свойствомъ исполненія старинныи русскія пѣсни, а другія поются съ какими-то похожими на вой переливами и громкими передышками, очевидно, не славянскими. Можетъ быть, эти своеобразныи черты чуть-ли не большинства болгарскихъ пѣсень представляютъ собою также наслѣдіе старины, но во всякомъ случаѣ не славянской, а той, которая превратила славянскую рѣчь нынѣшнихъ Болгаръ въ нечто единственное въ своемъ родѣ среди славянскихъ языковъ, подобное армянскому языку среди индоевропейскихъ или чувашскому и якутскому среди турецкихъ. Это, конечно, возможно, но несомнѣнно и позднейшее восточное вліяніе, именно персидское черезъ Турокъ, распространившееся тѣмъ-же путемъ и среди Грековъ и Арнаутовъ. Турецкому вліянію предшествовали другія, почти такія-же чуждыя, — тѣ, которая создали обще-балканское словосочиненіе, вѣвшеся въ болгарскій языкъ не менѣе, нежели въ ново-греческий и въ румынскій, откуда оно впрочемъ, кажется, и расположилось по всему полуострову еще до прихода Сербовъ. Съ этими вліяніями или, по крайней мѣрѣ, съ древне-романскимъ былъ неразрывно связанъ если не слоговой, то полу-слоговой, полу-стопный пѣсенныи складъ,

выросшій на останкахъ разлагавшагося количественаго стихосложенія и заявившій о своемъ зарожденіи уже въ томъ будто-бы количественномъ надгробії, которымъ, можетъ быть, самъ императоръ Гадріанъ почтилъ память своего коня, гдѣ есть не только

Caesareus veredus

и

Per tumulos et rúscos

и т. п., но и

Spársit ab ore caídam.

Или, если этотъ примѣръ, какъ рукописный (см. Anthologia latina rec. A. Riese I. 903), можетъ показаться недостаточно надежнымъ, то вотъ другой, съ камня изъ римскаго колумбарія (тамъ-же II. Carmina epigraphica coll. Fr. Buecheler 134):

Píus et sanctus víxi quam diu pótui

или слѣдующій, изъ окрестностей Кордовы (тамъ-же 223) — правда, вѣка VII или VIII, когда латинская рѣчь уже смолкла, но за то яркій:

Hic Theudefrédi condita
Mémbræ quiéscunt árida,
Cuius origo fulgida
Brébë³⁷⁾ refúlsit inclita

уже съ подобіемъ риены, которая въ западной Европѣ является гораздо раньше, чѣмъ въ восточной (у Грековъ она известна съ XV в.).

Таково-же приблизительно было положеніе и малорусскаго народнаго творчества, хотя чужія вліянія на него менѣе сложны. Юго-западная часть русскаго племени была долго почти отрѣзана исторіей отъ сѣверо-восточнай части и гораздо раньше ея попала въ круговоротъ западно-европейской жизни. Потому тотъ переломъ, который великорусская пѣсня еще переживаетъ, совершился въ малорусской такъ давно, что отъ обще-русской пѣсенной старины въ ней сохранились лишь кое-какіе слѣды, которые не входятъ въ разсчетъ при опредѣленіи отличительныхъ чертъ малорусской народной пѣсни. При сопоставленіи съ великорусской она кажется похожею

37) Т. е. breve = breviter, in breve tempus. Первые двѣ буквы утрачены, но восстановлены по догадкѣ Берлангою.

на романсь, чѣмъ и объясняется ея успѣхъ среди Великорусовъ, даже далекихъ отъ любви къ народному творчеству. Таковы и вся западная пѣсни — романскія, германскія и славянскія кромѣ сербскихъ (въ тѣсномъ смыслѣ этого слова) и болгарскихъ. Внѣшніе признаки этого, можно сказать, обще-европейскаго пѣсенного строя — риѳма и куплетъ, т. е. строфа, по большей части изъ четырехъ или болѣе полустиший (которые, если риѳмуются между собою, сливутъ обыкновенно за стихи), часто съ прѣпомъ, или, по крайней мѣрѣ, съ повторенiemъ послѣдняго стиха, полустишия или конца его. Къ Малорусамъ такое построение проникло черезъ Поляковъ, столкнувшихся съ Западомъ лицемъ къ лицу еще въ то время, когда они, судя по чертамъ ихъ быта, общимъ съ балтійскими Славянами, съ Новгородцами и съ казаками, жили почти такъ-же, какъ ихъ обще-славянскіе предки. Потому у нихъ, какъ и у чехо-словацкаго племени и у Словѣнцевъ, старинный пѣсенныи складъ пропалъ въ незапамятныя времена, чтѣ однako не значитъ, чтобы съ нимъ утратилась и всякая память о древнихъ размѣрахъ: противъ этого свидѣтельствуетъ уже краковякъ, не только сохранивший Поляками, но и получивший у нихъ преобладаніе надъ всѣми иными родами пѣсни. Приписывать такой переворотъ въ южно-русскомъ стихо-сложеніи именно польскому вліянію можно между прочимъ потому, что онъ проявляется чуть-ли не исключительно въ стихахъ, начинающихся прямо съ сильнаго ритмического ударенія, какъ у Поляковъ, и по большей части похожихъ на стихи мазурки и краковяка, а малорусскіе стихи другого склада, съ безударнымъ приступомъ впереди, напр. въ черниговской пѣсni:

$\ddot{\text{o}} \quad \text{v} \quad \text{d} \quad \text{v} \quad \text{v} \quad \text{d} \quad \text{v}$ Ой, у неділю рано, по раненьку $\text{d} \quad \text{v} \quad \text{v} \quad \text{v} \quad \text{v} \quad \text{d} \quad \text{v}$ Збіралася кревная родина,	$\text{d} \quad \text{v} \quad \text{v} \quad \text{d} \quad \text{v}$ ясна зоря зіхдила; $\text{v} \quad \text{v} \quad \text{v} \quad \text{d} \quad \text{v}$ мене въ військо випровдила
--	--

и пр., слагаются обыкновенно по разговорному ударенію. Польское вліяніе на западныхъ Малорусовъ началось давно и подвигалось мало по малу на востокъ вмѣстѣ съ ними до крайнихъ предѣловъ Слободской Украины. Въ XV и XVI в. оно возобновилось и усилилось въ Заднѣпровье, откуда отозвалось отчасти и дальше. Въ этотъ разъ оно, чтѣ касается народной пѣсни,пало на почву, болѣе податливую, чѣмъ прежде, потому что къ тому времени южная вѣтвь малорусскаго племени, еще раньше обособившаяся отъ сѣверной, уже успѣла окончательно подѣлиться на нарѣчія галицкое, заднѣпровское, полтавское и слободское, распадшіяся въ свою очередь на говоры. Эти нарѣчія, цѣликомъ или по говорамъ, различались между прочимъ и удареніями: въ то время, какъ на востокѣ сохранилось по большей части обще-русское или, по крайней мѣрѣ, южно-русское удареніе, до древней эпизоды включительно, на западѣ началась уже кое-гдѣ закрѣпка уда-

ренія, по-польски, на предпослѣднемъ слогѣ. Малорусская пѣсня двигалась, какъ отчасти и до сихъ поръ, съ запада на востокъ и, попавъ напр. въ Запорожскую Сѣнь, собиравшую въ себѣ всякую вольницу, но и распускаяшую ее по всей южной Руси, перекочевывала въ разные углы малорусского міра и въ концѣ XVIII в. вмѣстѣ съ Запорожцами дошла до сѣверо-западнаго Кавказа, гдѣ поютъ до нашихъ дней (Метл. стр. 172):

Ой, дівчина сіни мѣла	та й засміялася;
Вийшла мати водї брати	та й догадалася,

что даетъ правильный ритмъ только при двуслоговомъ, польскомъ удареніи: *дівчина* (впрочемъ такъ не на одномъ западѣ), *мѣла*, *воды*. Что до *засміялася* и *догадалася*, то въ нихъ родной говоръ этой пѣсни виноватъ лишь косвенно, такъ какъ по его грамматикѣ слѣдуетъ ся *засміяла* и ся *догадала*. Такъ въ Галичинѣ поютъ:

Ой, ти, гбро камінная,	чбм ся не лупаеш?
Скажи мені, дівко, прауду:	в кім ти ся кохаш?

а на Украинѣ — *лупаєтса* и *кохаєтса*. По-галицки эти стихи — съ точки зрѣнія слогового склада — совершенно правильны, но по-украински для того, чтобы въ концѣ стиховъ получилось совпаденіе ритма разговорнаго съ пѣсеннымъ, пришлось просто переставить удареніе. Послѣ такихъ перебѣлокъ легко уже было пѣть и

Котилися вбзи з гори	та в долинї стали.
Любилися, кохалися	та вже перестали,

гдѣ нельзя сваливать вину на галицкій подлинникъ. Къ нѣкоторымъ изъ крайне-западныхъ удареній Малорусы такъ привыкли, что скажутъ напр. *спала*, *вдова*, *серденько*, *козака* вмѣсто *спалá*, *вдовá*, *сéрденько*, *козакá* даже и тогда, когда не поютъ, а передаютъ пѣсню обыкновеннымъ голосомъ, потому что считаютъ эти ударенія законной принадлежностью пѣсенной рѣчи; но судять они такъ не по наукѣ, а по тому, какъ сами неоднократно слыхали эти слова въ пѣніи. Можно-ли при этомъ ожидать соблюденія надлежащихъ границъ? Но все-же эти границы были окончательно забыты лишь въ искусственныхъ стихахъ, предназначенныхъ для чтенія и потому не провѣряемыхъ напѣвомъ. Въ этомъ отношеніи любопытны такія личныя произведения, какъ «Стихи умилительные» монаха Михаила изъ Нямецкаго монастыря, находящіеся въ хранилищѣ рукописей монастыря

Агапія (см. А. И. Яцимирскій, Славянскія и русскія рукописи румынскихъ библіотекъ, стр. 72—73). Вотъ ихъ начало:

Умилі́ся, прослезі́ся,	дúше мой грéшна,
Буди къ Бóгу по премнóгу	въ молитвахъ поспéшина.
Смéрть приходи́ть, сúдъ навóдить	и тягчайшу мúку:
Что сотвори́шь, камо збéжíшь	тáмошняго звúку?
Добрыхъ дéль нéсть, Бóгъ же вся вéсть,	что содéяхъ злáя.
Не оутáйся, но покáйся	и начнí благáя.
Увы́, дúше, мéры вышне	есí согрýшила,
Отъ юныхъ лéтъ колíкій свéть	страстмí погуби́ла.
«Гре, оуы́!» всегда зовí	отнынé до вéка,
Занé смéрть близъ, потрéбно слéзъ,	яко (ч. якъ) рéкá велика.
Исповéждáя и покáйся,	дóндеже въ сéмъ мíръ,
Бóга бóйся, подвизáйся	зáповéдми въ вéрѣ.

Въ этомъ примéрѣ обращаютъ на себя вниманіе первыя полустишія тѣмъ, что каждое изъ нихъ раздѣлено ровно пополамъ съченіемъ, которое отмѣчено болѣе или менѣе полнымъ созвучіемъ съ концемъ полустишія (между прочимъ *оуы́* — зовí и *блíзъ* — слéзъ, такъ какъ Михаилъ былъ, очевидно, Малорусъ, откуда и риѳмы *вýка* — *велика*, *мíръ* — *вýръ*), а эти созвучія, то женскія (двусложныя), то мужескія (односложныя), показываютъ, что стихотворецъ склонялся то къ трохачическому ритму (который и свойственъ такому стиху при пѣніи), то къ ямбическому, не отдавая предпочтенія ни тому, ни другому. Есть мѣстныя ударенія и у Великорусовъ, и у нихъ они точно такъ-же вошли въ пѣсенный языкъ, признающій широкó, высокó, далéко, глубокó и широкó, высокó, далекó, глубокó, молодецъ и молодеиъ, удалый и удалой, дѣвица и дѣвіца, сидючи и сидючи и т. п., и возможно, что такая свобода въ постановкѣ разговорнаго ударенія, принимаемая поющимъ народомъ исключительно за стихотворную вольность, въ связи съ относительной слабостью ритмического ударенія въ самой короткой изъ стопъ, двухдольной ($\frac{2}{4}$), способствовала и у Великорусовъ развитію пѣсень особаго склада, изъ вольныхъ стиховъ осьмисложныхъ или семисложныхъ, по напѣвному ритму — трохачическихъ, которые все болѣе вытѣсняютъ другіе, древніе размѣры, состоящіе изъ стопъ качественныхъ, но не одинаковыхъ по числу слоговъ и выравнивающихся только при напѣвѣ. Такому распространенію стиховъ слогового склада могло отчасти содѣйствовать въ свою очередь малорусское вліяніе, напр. въ слѣдующей пѣснѣ, известной и въ Московской губернії:

На горъ-то малина,
Подъ горбю калина.
Тамъ гуляла дѣвчина,
Калинушку ломала,
Во пучечки вязала

и т. д. (съ повторенiemъ каждого стиха, а въ третiй разъ со вставкой слова «сиротина» передъ послѣднимъ словомъ): помимо малорусского *дъчини* сравни напр.

Чи я у лузі	не калина була?
Чи я у темнім	не червоная цвila?
Взяли ж мене, поламали	и в пучечки повязали

и т. д. Нѣкоторая доля польщизны могла зайти къ Великорусамъ и черезъ литовскiй рубежъ, который въ XVI, а еще болѣе въ XVII вѣкѣ существовалъ не столько для двухъ сосѣднихъ и родственныхъ, хотя и недружныхъ народовъ, сколько для ихъ правителей. Но среди Великорусовъ такое стихосложенiе распространялось туго вслѣдствiе привычки къ другому строю, въ теченiе многихъ вѣковъ не нарушаемой никакими посторонними влiянiями, пока изъ города не нахлынули въ деревню романсы и самодѣльныя подражанiя имъ. Малорусы стояли, такъ сказать, болѣе на юру и потому легче подвергались дѣйствiю западныхъ вѣянiй. Но, какъ ни сильно было воздействиe со стороны Поляковъ — сильно тѣмъ болѣе, что и они, по видимому, позаимствовались кое-чѣмъ отъ Малорусовъ и Бѣлорусовъ —, малорусское стихосложение сохранило въ себѣ нѣчто отличное отъ польского и вообще отъ западнаго: слоговой складъ его оказывается въ равнодушiи къ разговорному ударенiю, но не въ числѣ слоговъ, которое осталось почти такъ-же свободно, какъ было въ обще-русскомъ стихосложенiи. Есть, правда, и у Малорусовъ пѣсни, построенные въ числовомъ отношенiи не менѣе правильно, чѣмъ польскiя, напр. мазурочнаго склада, какова:

Ой, коли-б я, зозуленько,	та крилѣчки маla,
То я-б свою Україну	кругомъ облїтала,

но больше такихъ, какъ напр.

Ой, уж вѣчir	та повечорiло,
Та вже мое сѣрденько	та повеселiло.

Съ другой стороны попадаются, какъ мы видѣли, и у Поляковъ пѣсни со стихами различной мѣры, при чмъ иногда нарушается вообще соблюданное согласованіе послѣдняго разговорнаго ударенія съ ритмическимъ, напр. въ шуточномъ краковякѣ:

Wisła nam się zajęła,
Osmalone szczupaki

губу pogorzały,
do lasu leciały,

но то и другое только въ концѣ ритмического ряда, а кромѣ того здѣсь могло оказаться малорусское или бѣлорусское вліяніе. Въ свободѣ стяженій у Малорусовъ древность выражается еще тѣмъ, что въ стяженныхъ сло-вахъ замѣтно болѣе бережное обращеніе съ разговорными удареніями, чмъ въ тѣхъ, которыхъ слоги соотвѣтствуютъ основнымъ ритмическимъ единицамъ стопъ — осьмушкамъ или шестнадцатымъ. Древняя свобода въ числѣ слоговъ свойственна особенно пѣснямъ двухдольнымъ или четырех-дольнымъ ($\gamma\acute{e}noic\; \acute{e}go\; khat\acute{a}\; p\acute{o}ba$ или $khat\acute{a}\; b\acute{i}pob\acute{a}v$). Къ нимъ относятся, по крайней мѣрѣ, отчасти, такъ называемыя думы, напр. о смерти Богдана Хмельницкаго:

Эй, зажуриться,

захлопочеться

Що при єму-то не булб

Хмельницкаго старая голова,

ні сбтниківъ,

ні полкбвниківъ нема.

Тілкі пробував при єму
Пісарь військбвий,

Іван Лугбвський,

козак лейстрбвий

и т. д., если только ритмъ тамъ и сямъ не менется ради точнѣйшаго воспроизведенія словъ со всѣми ихъ разговорными особенностями. Жаль, что эта дума напечатана безъ нотъ даже въ превосходномъ труде проф. М. Н. Сперанскаго «Южно-русская пѣсня и современные ея носители» (Кievъ, 1904), гдѣ большинство пѣсень снабжено напѣвами съ голоса бандуриста Т. М. Пархоменка. За то вотъ начало другой, «VIII. Про Федора Безроднаго», болѣе упорядоченной и, вѣроятно, поэтому имѣющей при себѣ ноты:

Гей, по потрѣбї, по потрѣбї

барзо царскай,

гей у громадї козацкай,

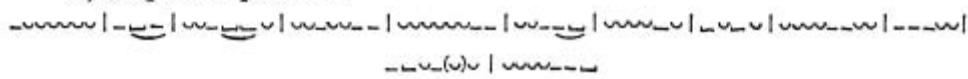
Ой, да там-то мнóго вýйська
Да и не юдýного тла

попаджено
да через мечу положено
козацького молодецького
живóго и не оставлено³⁸⁾.

Трудность нотной записи думъ зависит отъ того, что стихи ихъ не столько поются, сколько произносятся на распѣвъ, какъ и сербскія юнацкія пѣсни, потому что въ тѣхъ и другихъ главное есть содержаніе, а пѣніе — лишь прикраса, пред назначенная къ поддержкѣ того настроенія, которое дается повѣствуюмыми событиями. Но по своему стихотворному складу настоящая, старинная дума не имѣть ничего общаго со слоговыми стихами, къ которымъ принадлежитъ и сербскій «јуначки» десятисложный; въ этомъ отношеніи она стоитъ гораздо ближе къ бугаршицѣ. И въ обѣхъ слышится отзвукъ далекой, общеславянской старины, къ которой восходятъ съ одной стороны общерусское стихосложеніе, съ другой — польскій краковякъ. Впослѣдствіи за думу принялась бурса, и въ многихъ образчикахъ этого рода пѣсни чувствуется школьный налетъ, доходящій кое-гдѣ, напр. въ Мазепиной думѣ «Всі покою щиро прагнуть», почти до полнаго истребленія народнаго духа.

Разсмотрѣвъ такимъ образомъ слоговое стихосложеніе у Славянъ, мы набрали достаточное количество данныхъ для решения вопроса о происхожденіи этого стихотворного склада вообще, чтѣ, какъ мы видѣли выше, не лишено важности для решения другого вопроса — объ общеславянскомъ стихосложеніи. Пробѣгая приведенные выше образчики слоговыхъ стиховъ, читатель, можетъ быть, спрашивалъ себя не разъ: «Да что-же это за особое стихосложение? Просто, человѣкъ хотѣлъ сложить правильный стихъ, да попѣвился или не сумѣлъ». Такое объясненіе очень близко къ истинѣ, чтобы не сказать: есть сама истина. Стихотворецъ изъ образованныхъ, пишущій стихи только для чтенія, руководится уже однимъ преданіемъ, по стихотворецъ народный, слагая стихъ по числу слоговъ, неизбѣжно представляетъ себѣ тотъ ритмъ, который соответствуетъ воображаемому имъ напѣву, и тѣмъ болѣе старается осуществить его, чѣмъ менѣе, на оборотъ, связанъ преданіемъ, часто влекущимъ его въ другую сторону. Строго выдержаные, правильно-стопные первообразы найдутся въ стихосложеніи

38) У проф. Сперанского:

съ призрачнымъ тактомъ $\frac{5}{4}$ и возможнымъ только на бумагѣ $\frac{6}{4}$.

не всѣхъ тѣхъ народовъ, которые привыкли къ слоговыимъ стихамъ; но такие стихи могутъ зайти къ одному народу, не имѣвшему стопныхъ образцовъ, отъ другого, который ихъ имѣлъ. Такъ напр. къ западнымъ Славянамъ основы слогового стихосложенія могли проникнуть отъ Романцевъ, древнѣйшій стихъ которыхъ, соответствующій качественнымъ пятистопнымъ ямбамъ десятисложный или, при женскомъ окончаніи, одиннадцатисложный, происходитъ, по видимому, отъ латинскаго количественнаго ямбическаго триметра (сенація), оставившаго ему въ наслѣдство и свое съченіе послѣ первого двустопія (или второй стопы) ³⁹).

Тотъ-же количественный размѣръ отразился у новыхъ Грековъ въ двѣнадцатисложномъ слоговомъ, напр. Passow CCCCLXXX:

"Оса καστρία κι ἄν εἰδα κι ἔσα λόγιασα

или тамъ-же:

Οὐδὲ τ' ἀσπρα σοι θέλω οὐδὲ τὰ φλωρία.

Древній количественный трохаческій урѣзанный тетраметръ перешель у новыхъ Грековъ въ такой-же стихъ качественный, отчасти стопный, отчасти слоговой, напр. Passow DLXXXV:

Mία εῦμορφη κοπέλα εἰς τὸ σπίτ' ἐνὸς παπᾶ,

но тамъ-же:

"Αν ἀπὸ τὸνα καὶ πάνω, ἔστωσαν συγχωρητά

и ниже:

Αἱ, παιδί μου, εἶναι πρᾶγμα ποῦ τούτῳ ἀπὸ παιδί.

Новогреческій такъ называемый политический (т. е. житейскій) пятнадцатисложный стихъ (8+7 слоговъ), въ народныхъ произведеніяхъ —

39) Едва-ли кто согласится съ Тень-Бринкомъ, будто этотъ романскій стихъ образовался изъ размѣра старофранцузской пѣсни объ Эваліи:

Bona pulcella fut Eulalia,
Bel aurot corps, bellezour anima

и т. д. по латинскому количественному образцу, введенному, кажется, Септиміемъ Сереномъ въ III в. по Р. Х. (*Inquit amicus ager domino* и т. д.) и усвоенному латинскими стихотворцами изъ христіанъ, но не романскими. Скорѣе ужъ можно было бы подумать о *Phalaecius hendecasyllabus*, который въ самомъ дѣлѣ вошелъ въ народную поэзію, по крайней мѣрѣ, у позднѣйшихъ Римлянъ, напр. въ стихахъ на Александра Севера, очень похожихъ при чтеніи по разговорнымъ удареніямъ на одиннадцатисложные романскіе:

Quod púlcrum vides éssē nōstrum régem,
Quem Sýrum súa détulit propágō

и т. д.

слоговой, въ древнѣйшихъ своихъ образчикахъ является стопнымъ, съ вольностями только въ первой стопѣ каждого двустишия, а впрочемъ качественнымъ ямбическимъ, какъ у Теодора Продрома:

'Απὸ μικρόθεν μ' ἔλεγον ὁ γέρων ὁ πατέρος μου·
Τέχνον μου, μάθε γράμματα, ἀν θέλησις νὰ φελέσῃς,

и таковъ онъ остался въ искусственной поэзіи до нашихъ дней, а восходитъ онъ, по видимому, къ количественному образцу, употреблявшемуся и въ народныхъ пѣсняхъ, напр.

По̄и́ μοι τὰ φόβα, по̄и́ μοι τὰ ἴα, πο̄ι μοι τὰ καλὰ σέλινα;

Отъ Грековъ этотъ размѣръ въ своемъ качественномъ видѣ перешелъ къ Итальянцамъ, у которыхъ находимъ его въ слоговомъ строѣ, напр.

Rosa fresca, aulentissima ch' appari inver l' estate.

Пути его распространенія изъ Италии къ сѣверу прослѣдить трудно, но, какъ-бы то ни было, сходство англійского балладного стиха съ греческимъ пятнадцатисложнымъ такъ очевидно, что Байронъ, объясняя послѣдній своимъ соотечественникамъ, ограничился выпиской одного домашняго примѣра:

The captain bold of Halifax, who lived in country quarters.

И въ самомъ дѣль обращеніе съ этимъ стихомъ у Англичанъ то-же, что у Грековъ: то онъ у нихъ стопный, то слоговой. Число такихъ примѣровъ можно было-бы значительно увеличить, но довольно и приведенныхъ для того, чтобы показать, какъ стихи стопные переходятъ въ слоговые, можно сказать, по неумѣнию или по небрежности. Нѣть такого языка, который-бы не допускалъ стопнаго стихосложенія, не исключая и языковъ съ неподвижнымъ ударениемъ, каковы французскій и польскій. Такъ у Альфреда Миоссе въ Nuit d'Octobre встрѣчается безукоризненная трохачическая строфа

Honte à toi qui la première
M' as appris la trahison
Et d' horreur et de colère
M' as fait perdre la raison.

На склонность Богдана Залѣсского къ стопному построению стиховъ обратилъ вниманіе въ особомъ изслѣдованіи профессоръ Львовскаго университета Колесса; и въ самомъ дѣль этотъ поэтъ писалъ такимъ образомъ

цѣлые стихотворенія, напр. въ четырехстопныхъ трохеяхъ *Księzna Hanki* (небольшая поэма), *Dumy* (не всѣ), *Milica* (*Wiośnianki*), *Serb junak* (тамъ-же), *Mętny Dunaj* (тамъ-же), *Rozmowa kochanków* (тамъ-же), *Najmilsza woń*, *Czy kwiatki czy dziewczę*, *Myśliwy*, *I wy tu*, *Matki winne*, *Samochwał dziewczyna*, *Tak czy owak zawsześ moja* (даже безъ риомы кромѣ двухъ послѣднихъ стиховъ), *Aż strach*, *Urodziwa*, *Sokół i dziewczyna*, *Dziewczę na uwięzi*, въ двустопныхъ трохеяхъ *Rada junaczka*, въ четырехстопныхъ амфибрахіяхъ *Król dziadek* (*Der Erlkönig* Гёте), въ трехстопныхъ анапестахъ *Z mogiły Sawor* (*Dumy*), въ двустопныхъ *Bożur i róża*, *Sokół i chłopiec* и др. Въ двустопныхъ и трехстопныхъ анапестахъ написаны Мицкевичемъ *Trzech Budrysów* и *Czaty*. Много стопныхъ стиховъ у Асныка, напр. четырехстопные трохеи въ *Napad na Parnas*, *Szkoda!*, *Krąg przemian*, *Róża*, *Miedzy nami nic nie było*, *Powrót piosenki*, *Rada*, *Na początku*, *Huczy woda po kamieniach*, *Słońko*, четырехстопные и трехстопные трохеи въ *Siwy koniu*, двустопные и трехстопные ямбы въ *Choć róź i łąk*, четырехстопные и трехстопные ямбы въ *Szczęśliwa młodość!*, *Daremne żale* (кромѣ начала девятаго стиха), трехстопные амфибрахіи въ *Idź dalej!*, двустопные анапесты въ *Szumi w gaju brzezina*. Отдѣльные совершенно правильные стопные стихи попадаются чуть не въ любому слоговому стихотвореніи, и ихъ, конечно, тѣмъ больше, чѣмъ ближе предносящейся стихотворцу ритмъ къ распорядку удареній въ данномъ языке. И такъ слоговое стихосложеніе, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ языкахъ, где одновременно съ возникновенiemъ дошедшихъ до насъ пѣсенъ или ихъ первообразовъ не происходили перемѣны въ удареніяхъ, какъ у Сербовъ, или где оно не встрѣчается и не перекрецивается со стихосложеніемъ напѣвно-стопнымъ, какъ у Малорусовъ, есть въ сущности лишь искаженное ритмическими вольностями стопное стихосложеніе. Эти вольности являются, какъ уже было сказано, вслѣдствіе неумѣлаго или небрежнаго присочиненія словъ къ уже готовымъ напѣвамъ, и непремѣнно такимъ, которые разсчитаны на однообразно текущую рѣчь, расчлененную по одинаковымъ сочетаніямъ ударяемыхъ и неударяемыхъ слоговъ. Отсюда слѣдуетъ, что до появленія слоговыхъ стиховъ должны быть напѣвы съ однообразной постановкой ритмическихъ удареній черезъ определенное число нотъ, а такая постановка могла выработать только объ-руку съ построемъ такимъ-же образомъ рѣчью, чтò возможно лишь тогда, когда напѣвъ приобрѣтаетъ такое значеніе самъ по себѣ, что подчиняетъ себѣ строй сопровождающей его пѣсенной рѣчи на столько, на сколько это нужно для отчетливаго оттѣненія всѣхъ особенностей задуманнаго ритма. Такая самостоятельность напѣва предполагаетъ уже высокую степень развитія пѣснотворчества. Весьма вѣроятно, что чисто-народное стихосложение никогда не достигло этой сте-

пени, которая соединяетъ въ себѣ оба стихотворныхъ начала — ритмическое и слоговое, такъ какъ равномѣрное выраженіе ритма въ языкѣ требуетъ определенного числа словъ: нигдѣ и никогда безъискусственное творчество не шло въ усовершенствованіи своей ритмической стороны дальше иѣкотораго приближенія къ стопности и даже по рѣшительному вступленію на этотъ путь, совершившемся не безъ содѣйствія сознательнаго искусства, сохраняло въ себѣ слѣды предшествующей ступени, на которой равномѣрность ритма осуществлялась въ словѣ только при помощи напѣва, чѣмъ мы видимъ напр. у Германцевъ до нашихъ дней, однако и въ переходномъ состояніи между равномѣрностью лишь напѣвной и равномѣрностью словесной народное стихосложеніе, особенно для иѣкоторыхъ родовъ пѣсни, можетъ уже такъ значительно развить въ себѣ стремленіе къ соотвѣтствію не только силы словъ, но и ихъ числа ритмическимъ единицамъ напѣва, что отдельные стихи, по старой памяти требующіе иѣкотораго восполненія при посредствѣ напѣва, являются какъ-бы исключеніемъ изъ правила, сознаваемаго всѣмъ народомъ. Такой равномѣрности въ стихосложеніи, хотя не исключительной, но господствующей, совершенно достаточно для того, чтобы по выработкѣ или запеченіи извѣнѣ папѣзовъ, состоящихъ изъ постоянного числа ногъ, стихосложеніе напѣвно-стопное уступило свое мѣсто слоговому, сначала также въ видѣ отдельныхъ и случайныхъ вольностей, но уже относительно не числа словъ, а мѣста разговорнаго ударенія, впослѣдствіи иногда до потемнѣнія чутья къ первоначальному ритму, какъ въ первой части польского тринадцатисложнаго стиха. И, не смотря на существенность числа словъ для слогового стихосложенія, все-таки не только у Малорусовъ, еще не безслѣдно утратившихъ пѣсенную старину, но даже у Поляковъ то тамъ, то здѣсь мы паталкиваемся на пережитки древнѣйшаго стихосложенія, сказывающіеся въ нарушеніи числа словъ, по крайней мѣрѣ, послѣднихъ первой половины двойного стиха.

Изо всего, сказанного здѣсь о слоговомъ стихосложеніи, слѣдуетъ съ полной очевидностью, что это стихосложеніе, какъ въ значительной мѣрѣ условное, появляется вездѣ сравнительно поздно.

Подводя итоги этому изслѣдованію, возвратимся къ вопросу объ обще-славянскомъ стихосложеніи и его судьбахъ по раздѣленіи Славянъ.

Едва-ли возможно какое сомнѣніе въ томъ, что древнѣйшее славянское стихосложение было основано на разговорномъ удареніи, можетъ быть, съ такимъ-же приблизительно участіемъ долготы, какое замѣчается въ стихахъ сербо-хорватскихъ и чехо- словацкихъ. Обще-славянскіе стихи могли быть троякаго рода по степени ихъ приближенія къ равномѣрности: 1) такие-же или почти такие-же, какъ германскіе до Отфрида или какъ малорусскія въ думахъ, свободныхъ отъ вліянія бурсы и лирическихъ пѣ-

сень, т. е. то длинные, то болѣе короткіе въ одномъ и томъ-же стихотвореніи и состоящіе изъ разнообразныхъ стопъ, выравниваемыхъ только въ напѣвѣ, однако едва-ли допускающихъ обычное у Германцевъ стяженіе нѣсколькихъ ритмическихъ единицъ въ одинъ слогъ; 2) сходные со старинными русскими, т. е. состоящіе изъ такихъ-же стопъ, но въ опредѣленномъ числѣ — по три или по четыре стопы на стихъ послѣдовательно съ начала до конца пѣсни, хотя, конечно, мыслимо случайное появленіе напр. четырехстопнаго стиха между трехстопными, какъ и въ англійскихъ, нѣмецкихъ и русскихъ искусственныхъ драмахъ между пятистопными ямбами попадаются иногда шестистопные; 3) равномѣрно-стопные со случайными стяженіями тамъ и сямъ въ видѣ вольности. Первый родъ, самый безъискусственный, есть, конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ и самый древній; второй, уже значительно позднѣйшій, появился сначала, вѣроятно, въ лирическихъ пѣсняхъ, а впослѣдствіи проникъ и въ эпическія; третій, самый новый, могъ развиться, по видимому, только въ связи съ инструментальной музыкой и на почвѣ упорядоченной пляски, въ которой личная изобрѣтательность плясуновъ была уже значительно стѣснена установившимися правилами, какъ напр. въ краковякѣ. Можно допустить, что всѣ эти три рода стиховъ, хотя и зародились въ разныя времена, однако существовали долго вмѣстѣ, распредѣлившись по различнымъ родамъ пѣснотворчества. Позже, у отдельныхъ славянскихъ племенъ въ произведеніяхъ искусственныхъ и сложныхъ они могли уживаться рядомъ, напр. въ Словѣ о Пылку Игоревѣ, где есть и

Дрѣмлеть⁴⁰⁾ въ поля Ольгово хоробѣрое гнѣздо,
далѣче залетѣло

и

Не лѣпо-ли ны бѣшть, братиѣ

и, можетъ быть,

Побарая за христыяны на поганѣйшѣ пылкы.

Къ стихамъ первого рода примыкаютъ стихи старѣйшихъ малорусскихъ думъ, если только не произошли путемъ одичанія одного изъ позднѣйшихъ видовъ; къ стихамъ второго рода относятся чуть не всѣ старинные великорусские и белорусские размѣры и нѣкоторые остатки древнѣйшаго стихосложенія у Малорусовъ и у Болгаръ; отъ стиховъ третьего рода ведутъ

40) На сохраненіе слоговой длительности за конечными звуки въ Словѣ о Пылку Игоревѣ слѣдуетъ смотрѣть, вѣроятно, такъ-же, какъ на счетъ «нѣмого» *e* за слогъ въ новыхъ французскихъ стихахъ.

свое начало краковякъ и, можетъ быть, нѣкоторые другіе размѣры съ постояннымъ числомъ словъ, напр. старыхъ сербо-хорватскихъ хороводныхъ пѣсенъ. При этихъ родахъ были виды переходные, какъ напр. между первымъ и вторымъ, можетъ быть, занимавъ място первообразъ великорусскихъ протяжныхъ пѣсенъ (въ $\frac{2}{4}$, но съ колеблющимся числомъ словъ, съ растяженіями и повтореніями словъ и слововъ, распространяющими стихъ изъ четырехъ — шести стопъ на четыре или на пять напѣвныхъ членовъ); между первымъ и третьимъ — длинные краковяки произвольнаго числа словъ, каковъ слѣдующій:

$\begin{array}{c} \text{Kagazyja wyszywana,} \\ \text{Petliczkami, sznureczkami,} \\ \text{Do kolusieneczka,} \end{array}$	$\begin{array}{c} \text{haftowana} \\ \text{kułeczkami, hafteczkami,} \\ \text{złocistemi klapeczkami} \\ \text{moja kochaneczka,} \end{array}$
--	---

и бугарштицы; между вторымъ и третьимъ — великорусскія веселыя пѣсни (удалыя, хороводныя, величальные, шуточныя и т. п.), стихи которыхъ въ напѣвѣ сходны съ древнегреческими анапестами, напр.

$\begin{array}{c} \text{Ужь и по мосту, мосту,} \\ \text{Какъ и шёлъ, прошёлъ дѣтинка,} \end{array}$	$\begin{array}{c} \text{по калиновому} \\ \text{голубой на нёмъ кафтанъ} \end{array}$
--	---

или знаменитая «Камаринская»:

$\begin{array}{c} \text{Ахъ ты, сукінь сынъ Камаринскій мужикъ!} \\ \text{Ты зачёмъ не хочешь барину служить?} \end{array}$

Говоря строго, между вторымъ и третьимъ родами можно провести только такую границу, что стопными стихами въ собственномъ смыслѣ этого слова мы условимся признавать лишь тѣ, которые при полномъ согласованіи удареній ритмического и разговорного содержать въ себѣ ровно столько словъ, сколько нужно для полнаго выраженія ритма. Во многихъ другихъ случаяхъ разграничение родовъ затруднено ихъ взаимодѣйствіемъ, продолжающимся отчасти до сихъ поръ. Выше было сказано о среднемъ положеніи великорусскихъ протяжныхъ пѣсенъ между первымъ и вторымъ родомъ; но помимо такого положенія по самому существу этого пѣсенного

склада нерѣдка передѣлка пѣсни второго рода на ладъ перваго, какъ напр. пѣсня первоначально такая:

Ужъ я вѣдома про дѣвичье свое житѣ

и пр. поется такъ (Пальчиковъ 74):

Охъ, да ужъ я вѣдома,
охъ, я про дѣвичье,
охъ, да я про дѣвичье
своѣ житѣ.

Впрочемъ отъ чистаго первого рода самыя протяжныя и ритмически запутанныя пѣсни отличаются постояннымъ числомъ стопъ. Въ только-что приведенномъ примѣрѣ мы видѣли растяженіе первоначальнаго стиха посредствомъ напѣва до потери его ритмического образа. Но то-же и въ еще большей степени происходитъ вслѣдствіе ускоренія, сопровождаемаго переносомъ главнаго ударенія къ самому началу стиха, на безударный приступъ. Такъ напр. стихъ, сложенный, очевидно, по-старинному,

Шла утушка бережѣкомъ

поется теперь

Шла утушка бережѣкомъ,

а это почти уже слоговой стихъ, такъ какъ въ немъ ясно слышится при пѣніи не правильное *утушка*, а вызванное ритмомъ *утушка*. Такой переходъ качественнаго стиха въ слоговой со всѣми послѣдствіями этой перемѣны для отношенія разговорныхъ удареній къ ритмическимъ совершается незамѣтно, помимо сознанія пѣвецъ, потому что хотя-бы то-же самое *утушка* было-бы правильно съ точки зрењія стариннаго склада напр. въ такомъ положеніи:

Какъ и шла утушка сѣрая по бережку,

т. е. подъ третьестепеннымъ удареніемъ. Но стбить лишь сильно ударить первый слогъ и разбить напѣвныя стопы пополамъ, напр. такъ:

Какъ и шла утушка полемъ,—

и получится уже такая погрѣшность противъ разговорнаго ударенія, какая возможна только при счетѣ слоговъ безъ вниманія къ ихъ относительной силѣ. Въ словахъ двусложныхъ удареніе перемѣщается ради ритма не-

сравненно чаще, и потому въ двухдольныхъ пѣсняхъ безъ слабаго приступа стихи слогового строя—кромѣ послѣдней стопы, какъ у Поляковъ—перѣдки уже давно, напр. въ пѣснѣ отнюдь не новой:

Пряди, мой приха, пряди, не лѣнися

и пр. или въ присказкѣ при игрѣ, также не новой:

Гори, гори жарко:
Прѣхалъ Захарка,
Дѣти на телѣжкѣ,
Щёлкаютъ орѣшки —

то и другое размѣромъ краковяка.

Но чѣмъ легче и неуловимѣе такие переходы, тѣмъ труднѣе и запутаннѣе вопросъ о происхожденіи того или другого рода стиховъ у того или другого изъ племенъ, связанныхъ между собою языкомъ, бытомъ или хотябы только сосѣдствомъ и сношениями. Возможно, что въ разрѣшеніи такихъ задачъ наукѣ о стихосложеніи могла-бы оказать содѣйствіе наука о музикѣ; но о такой «наукѣ» приходится пока еще только мечтать.

О. Коршъ.

